

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

16+

МАГОМАМА,
или ПОПАДАНКА
НАОБОРОТ

Джейд Дэвлин

**Магомама, или
Попаданка наоборот**

«Автор»

2019

Джейд Дэвлин

Магомама, или Попаданка наоборот / Джейд Дэвлин — «Автор»,
2019

Одна с двумя детьми? Бывший муж не помогает, бывшая свекровь пьет кровь? Избалованные дети ни в грош не ставят? И уже нет сил все это терпеть. Да чтоб оно все пропало! Кроме детей... Но магическая попаданка из другого мира, да еще в твое собственное тело, это уже перебор. Впрочем, попаданка так не считает;)

© Джейд Дэвлин, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джейд Дэвлин

Магомама, или Попаданка наоборот

Глава 1

– Я тебя предупреждала, Шурочка, – неприятно улыбнулась свекровь. – Я говорила тебе, что Витя умный и интеллигентный мальчик, ему быстро наскучит это мешанское счастье и он уйдет к женщине своего уровня. Так что винить ты можешь только себя. Кто тебе злодей, что в тридцать пять ты уже больше похожа на престарелую швабру, чем на женщину? А кроме того, ничем не интересуешься, ничего толком не читаешь и не смотришь, стала скучная и узколобая. Впрочем, ничего страшного не случилось, на улицу вас никто не выгоняет, Витенька купил вам эту квартиру и дает достаточно денег, чтобы дети ни в чем не нуждались. Ну а ты... В сущности, твоя задача теперь – растить мальчиков и обеспечивать Витеньке возможность с ними видаться тогда, когда ему это удобно. Надеюсь, у тебя хватит мозгов справиться хотя бы с этим. Кстати, ты уже видела, что классный руководитель написала в электронном дневнике у Павла?

– Да, Валентина Дмитриевна, – тихо и обреченно проговорила в экран ноутбука усталая женщина, бледная, полноватая, с небрежно собранными в рассыпающийся пучок светлыми волосами. – Я как раз хотела попросить... Вам ведь недалеко, может, вы заберете Пашу с занятий, раз они заканчиваются на час раньше? Вы можете сходить в кафе, пообщаться, а я подъеду не позже, чем обычно, как только...

– Прости, дорогуша, но завтра я занята, – поджала губы моложавая дама на экране. – О таких вещах принято извещать заранее, знаешь ли. И вообще, что ты за мать, если тебе постоянно нужна какая-то помощь с детьми? Живешь на всем готовом, с машиной под задницей, белье в проруби не стираешь. Твоя прабабка, небось, в поле пятерых рожала и не жаловалась, все успевала. Ладно, мне уже пора. Не забудь приготовить Тошику снаряжение до выходных, Витя заедет и заберет его на игру в восемь утра. Все, до свидания.

И экран погас.

Александра уронила голову на руки и несколько минут так и сидела возле заваленного распечатками докладов, тестов, картинок и текстов компьютерного стола. Господи, вот так закрыть бы глаза и не открывать больше... как же она устала.

– Ма-ам! Я же просил куриные котлеты, а ты опять сделала из мяса! Не буду есть! И кетчуп ты не купила, да? Не буду!

– Мам, опять Пашка мой велик трогал?! Сколько раз я просил! Вот вечно в этом доме никакого нет порядка, верно папа говорил! Мам! Мама! Ты обещала найти инфу для доклада по ОБЖ, я же не успею после тренировки!

– Мам, а папа приедет за мной в субботу? Он обещал!

Саша со стоном оторвала голову от рук и мутноватыми от переутомления глазами посмотрела в сторону двери. Она любила своих детей. Она их очень любила... бросила когда-то учебу, потому что Антон сразу после рождения много болел и все вокруг, включая Витю, твердили, что лучшее лекарство для малыша – это мама. Да она и сама так считала. А через три года с удовольствием обменяла возможность вернуться в университет на второго сына.

И все было хорошо... Ну, почти.

Свекровь с самого начала невзлюбила невестку, так на то она и свекровь, разве у всех не так? И Витя мать не одергивал, отговариваясь тем, что Валентина Дмитриевна пожилой человек, да и не сказать, что совсем лезет в их семейные дела. И вообще, могла бы поискать общий язык с его матерью, в конце концов, она не монстр.

Это женское дело – погода в доме. А он устает, обеспечивая ей и детям достойную жизнь, можно хотя бы нервы ему не трепать глупыми ссорами?

Саша старалась не трепать и неустанно искала «общий язык» с профессорской вдовой, надменной и обожающей всех поучать, но вечно всем недовольной. И правда ведь, муж много работает, устает... Зато с деньгами никогда нет проблем, можно не экономить на детских вещах, поездках, большой квартире в престижном районе, репетиторах, кружках...

Вот, правда, няню и помощницу по хозяйству Витя отказался нанимать, заявил, что это глупости и пустая трата денег, все равно Александра не работает, да и куда она пойдет без образования? По салонам красоты деньги транжирить? Ну глупости же, он ее и так любит, а лишний час, проведенный родной мамой с детьми, – это кирпичик в их будущую здоровую психику и успешность.

Александра сама не поняла, в какой момент все изменилось. Когда она из веселой красавицы-жены, самой лучшей мамы и хранительницы домашнего очага превратилась в вечно ничего не успевающую и вызывающую у всех только раздражение престарелую клушу.

Сначала Витя стал задерживаться на работе, потом пропадать в командировках, потом она нашла у него в портфеле с деловыми бумагами женские трусики... Все было так банально и глупо, как в дешевой мелодраме. Пойманный с поличным муж вдруг психанул, наорал на Сашу, обозвал дурой и старой мымрой, на которую ни у одного нормального мужика уже не встанет, ехидно поинтересовался, когда она в последний раз смотрела на себя в зеркало и пыталась поговорить о чем-то отличном от детских утренников или проблем с математикой у старшего.

А потом успокоился и заявил судорожно рыдающей жене, что все к лучшему. Ему надоело притворяться, их брак давно изжил себя, они чужие люди. И у него есть другая, которая его понимает и которая больше ему подходит. Детей он не бросит, он уже присмотрел им неплохую трешку в хорошем спальном районе и будет давать приличную сумму денег на расходы, но под отчет, естественно. И чтобы никаких заявлений в суд на алименты, иначе алчная бывшая жена вообще ничего не получит.

Александра, для которой в один страшный миг обрушилась вся ее жизнь, все не могла понять, как получилось, что ее веселый, ласковый, порядочный и любящий Витька превратился вот в этого чужого мужика с презрительным прищуром, и за что он так с ней?!

За что?! Она ведь все делала правильно, всю себя отдавала ему и детям... Постарела? Так никого не молодят двое родов и бессонные ночи с болеющими детьми... Поправилась, да, особенно после второго сына. Не было времени привести себя в порядок, да и сил тоже. Все ждала, вот дети подрастут, и она пойдет на фитнес и на танцы – Саша когда-то так любила танцевать, в детстве даже занималась этим почти профессионально, на соревнования ездила. Куда все делось?

Сама дура, сама виновата. Распустилась, обабилась; конечно, мужу стало скучно и противно. Он еще молодой мужчина, вот и нашел себе. Детей же не бросил?

Вроде и не бросил, да. Приезжал, когда у него было время и настроение пообщаться с наследниками, денег давал. Впритык, чтобы хватало на еду и оплату квартиры. Вещи детям сам покупал, кружки оплачивал, а Саше заявил, что она здоровая баба, себя должна сама обеспечивать. Пусть идет работать. Ну кто ей доктор, что за четырнадцать лет сидения дома она растеряла даже те знания в профессии, которые когда-то были? Что значит «с детьми все равно на полный день не устроиться и сложно все успевать»? А как раньше наши мамы успевали и не жаловались?

Подработку на полдня Саша себе все же нашла, тем более что старенькую «киа рию» муж великодушно оставил бывшей жене, чтобы возить детей, как он выразился. На машине с грехом пополам женщина еще успевала подрабатывать курьером. Но с ужасом думала, что будет, когда верный железный конек начнет сыпаться... У нее и так почти не оставалось времени даже

просто выспаться нормально. Да и денег все равно не особо хватало на самое необходимое, что там уж вспоминать про салоны красоты и фитнесы с бассейнами и саунами.

В довершение всего сыновья, недовольные тем, что пришлось переехать из престижного дома, от крутых друзей в «беспонтовый райончик», и вообще травмированные уходом отца, обвинили во всем мать. Папа хороший, папа приезжает в выходные и привозит подарки, а мама только без конца нудит что-то про уроки, тапочки и «убери, пожалуйста, у себя в комнате». Требуется мыть за собой посуду и вообще страшно надоедает.

Александра со смирением старой лошади волокла на себе весь этот непосильный груз, даже не пытаясь его скинуть, – от усталости и недосыпа у нее наступило какое-то эмоциональное и интеллектуальное отупение. Шагала себе и шагала в колее, даже не пытаясь ступить в сторону от нее. Но силы постепенно кончались, и вот почему-то именно сейчас, после разговора со свекровью и воплей сыновей, женщина почувствовала, что все. Край. Их больше совсем нет, сил этих.

– Мама! – Старший сын появился на пороге с недовольным лицом и своей футболкой в руках. – Ты опять забыла погладить физкультурную форму! А бабушка говорит, что это безалаберность и признак ужасной хозяйки! Лучше бы мы жили с папой, зачем ты нас с собой потащила в эту дыру и теперь...

Это оказалось последней каплей. Спокойная всегда и исключительно терпеливая с детьми Саша вдруг взвилась с места и резко захлопнула дверь прямо перед носом у сына. И, не обращая внимания на вопли и стук, подошла к большому, в рост, зеркалу в дверце шкафа-купе. Там отразилась замотанная полинялая тетка в мешковатой футболке и джинсах, потухшая какая-то и словно полустертая. Никому не нужная, даже собственным детям.

Странно... Яркая веселая девчонка-хохотушка, Сашка-вертушка, всеобщая любимица, способная танцевать сутки напролет, строить глазки и потом как ни в чем не бывало пойти сдавать зачет по сопромату, – где ты? Куда ушла? Когда? Почему? Неужели об этом ты мечтала, когда выходила замуж, когда рожала детей?

Глухое отчаяние вдруг вскипело в душе и выплеснулось наружу резким вскриком. Александра почти в беспамятстве ударила по зеркалу обеими руками, чтобы стереть, уничтожить изображенную в нем мертвую женщину и вернуть ту, прежнюю Сашку. А если это невозможно... то лучше, чтобы это все кончилось. Только детей все равно жалко... Пусть бы кто-то занял ее место, просто чтобы сыновья не остались без матери. Пусть бы. Она с удовольствием отдала бы все, что осталось от ее жизни.

Зеркало посыпалось острыми осколками, ранив руки в кровь, и Александра упала на пол, потеряв сознание.

Последняя мысль была: сама, дура, виновата...

Глава 2

Сама, дура, виновата. Попалась в такую примитивную ловушку. А еще боевой маг!

Но я не ждала предательства от близкого друга... да и встреча была назначена в людном месте, в нейтральном городе. И когда во время спокойной беседы за бокалом молодого вина на открытой веранде очень приличного трактира мимо меня по улице «грузчики» понесли большое зеркало, я не обратила на них внимания, не насторожилась. Хотя краем глаза привычно зафиксировала движение.

И когда это самое зеркало вдруг оказалось прямо напротив, а из толпы меня кто-то окликнул и я машинально обернулась, солнечный свет, отразившийся в полированном стекле, ударил по глазам, ослепляя и лишая ориентации в пространстве.

Я вскрикнула и инстинктивно попыталась закрыться руками, что самое противное, и в этот момент еще не осознавая опасности, даже не подумала ударить режущим по стеклу, а ведь могла...

Но терраса, на которой я сидела, выходила на людную площадь, по которой в честь выходного дня гуляла празднично разодетая толпа народа, бегали дети, выступали уличные артисты. Мне в голову не пришло бить заклинаниями в ту сторону.

Когда я опомнилась и проморгалась, было поздно. Вокруг уже не было оживленной праздничной площади, не было летней террасы, не было столика с напитками и легкими закусками. Были каменные белые стены, прорезанные узкими, как бойницы, окнами, забранными решеткой, было то самое проклятое зеркало, вмурованное в стену прямо напротив того места, где я стояла. Не было только двери. Вообще.

Пару минут я ошарашенно вертела головой, пытаюсь понять, куда меня занесло и как это случилось. А потом из глубин памяти вдруг всплыл отрывок старинной летописи, то ли сказка, то ли легенда о зеркальном двойнике. И меня прошиб холодный пот.

Я медленно подошла к стене и дотронулась кончиками пальцев до гладкого холодного стекла. Это странное зеркало, оно ничего не отражало, только в глубине его клубился туман. Но как только я его коснулась, он рассеялся, и я увидела...

– Чтоб тебя демоны жарили! – Такое зло взяло, слов нет. – Райно, сукин ты сын! Что ты творишь?!

– Приветствую, моя прекрасная леди, – с издевательской усмешкой поприветствовал меня с той стороны стекла бывший друг и один из тех, кому я когда-то доверяла спину и свои первые девичьи глупости.

Он так и не смог смириться с тем, что я выбрала Кейдана. Было очень больно терять друга юности, а тем более видеть, как он постепенно, но очень явно сходит с ума и идет на все более низкие и страшные поступки, чтобы все же добиться своего.

Причем этот идиот решил, что я с Кейданом потому, что тот герцог и владелец Западного Предела. И ему втемяшилось в башку, что если отобрать у моего любимого земли, замки и власть, то я переменю решение. Боги и демоны, у него редут на этом поехал окончательно. Сколько он глупостей натворил, едва не спровоцировал войну... Хорошо еще, что поединки одаренных никогда не затрагивают простой народ. Даже чужие замки разрушаются только после того, как из них вывели мирное население. Маги потом могут стены и друг друга хоть с землей сровнять.

Вот Райно и пытался... Но Кер Айриель – древняя мощная крепость, защищенная помимо магии хозяина еще и системой противоосадных артефактов, без предательства изнутри ее не вскрыть. Так что безумный Райно Вистер раз за разом безрезультатно штурмовал стены Западного Предела. И каждый раз пытался перед нападением убедить меня в том, что я ошиблась и, если добровольно уйду с ним, он оставит Кейдана в покое.

– Рай, – я потерла руками лицо и грустно посмотрела в лицо человека, с которым когда-то была очень близка. – Рай, пожалуйста, хватит. Приди в себя. Это уже болезнь.

– Ты моя болезнь, – согласился Райно, приближаясь к стеклу с той стороны и прижимая к нему ладонь там, где его касались мои пальцы. – И мое лекарство. Ты будешь моей.

– Сколько можно повторять? – я отдернула руку и даже отошла на шаг, сердито прикусив губу. – Нет, Рай! Не буду.

– Посмотрим, – усмехнулся этот ненормальный. – Вот теперь посмотрим. Как твой владетель Запада отнесется к тому, что ты вынесешь мне ключи от Кер Айриель. Вряд ли он простит...

– Что за чушь ты несешь?! Что вообще происходит?

– Ты же вспомнила легенду, да? – Райно там, за стеклом, прошел через всю комнату к резному комоду красного дерева и достал из верхнего ящика тот самый обрывок пергамента. Вернулся и посмотрел на меня с торжеством и предвкушением в глазах. – Вспомнила. Это хорошо... Значит, поймешь и оценишь то, что я сделаю. Это все только для твоей же пользы. Я не могу допустить, чтобы ты совершила ошибку и осталась с этим... Ты все переосмыслишь, обещаю.

Я смотрела на него с ужасом и понимала, что Райно окончательно сошел с ума. Я действительно понимала, что он собирается сотворить. И когда безумец принялся чертить на зеркале руны собственной кровью, заметалась по башне, пытаюсь уйти, скрыться так, чтобы меня не было видно в проклятом зеркале.

Но спрятаться было некуда – ни одного угла, ни одного предмета, даже тряпки, чтобы можно было загородиться. А потом зеркало вспыхнуло, и меня притянуло к нему, как глупую муху на паутинке. Я застыла в шаге от гладкой стеклянной бездны и в полном оцепенении смотрела, как с той стороны от поверхности зеркала отделяется мой двойник. Вторая я. Зеркальный призрак, потусторонняя сущность, у которой теперь мое лицо, моя магия и мои знания.

Райно притянул двойника к себе и поцеловал. Я с ужасом смотрела, как зеркальный призрак отвечает на этот поцелуй, трется о мужчину всем телом, демонстрируя желание, как мой сумасшедший тюремщик начинает сдирать с нее мою одежду...

– Она вынесет мне артефакты-ключи от Кер Айриель, и твой Кейдан будет уверен, что это ты предала его, – сказал Райно после того, как там, за стеклом, все закончилось и мой двойник, одевшись, выскользнул из комнаты. – Я заставлю его поверить, что ты в конце концов предпочла именно меня! А когда он окажется в грязи у моих ног, уверенный в своем ничтожестве и твоём выборе, я уничтожу куклу и выпущу тебя. И ты не сможешь уйти, потому что все Пределы будут уверены, что ты предала его ради меня.

– Райно, опомнись! – я сделала последнюю попытку. – Ты же сам вспомнил легенду со свитка. Зеркальный двойник опасен. Да, пока он полностью подчинен тебе, но по мере того, как я буду слабеть, он будет набирать все больше силы, пока от меня останется только тень, и...

– Я не допущу этого. Я знаю, что делаю. А ты посиди и подумай, кого действительно следовало выбрать, чтобы не попасть в такое положение.

– И ты называешь это любовью? – мне было горько и как-то... словно душу разворотили. – Это что угодно, только не любовь, Райно. А еще ты играешь в опасные игры. Ты окончательно сошел с ума.

– Даже если и так, это ты лишила меня рассудка, – мой бывший друг подошел вплотную к стеклу и зло прищурился. – Это из-за тебя я потерял голову, покой и душу. И я заставлю тебя быть моей, даже если придется выпустить в мир десятки зеркальных монстров!

Вот так я и оказалась в странном плену в круглой башне с бойницами вместо окон, за которыми всегда клубился белый туман. Время остановилось. Мне не хотелось ни есть, ни

спать, не было смены дня и ночи, хотя я каким-то образом понимала, что прошло уже несколько месяцев. Наверное, судила по тому, как убывали мои силы. Если сначала я металась по тесному помещению, билась о стены и об алмазно-твердое стекло зеркала, то теперь я просто сидела напротив непреодолимой преграды и смотрела, смотрела...

Я даже не поняла, в какой момент все изменилось. Там, за стеклом, вдруг исчезла спальня Райно, мое «окно в жизнь» торопливо завесили какой-то тряпкой, и мир качнулся. Куда-то несут зеркало? Зачем?

Несмотря на апатию и слабость, я нашла в себе силы встать и подобраться вплотную к стеклу, прижалась к нему ладонями, словно в последний раз пытаюсь продавить, расколоть проклятое зеркало. Двойник там, в настоящем мире, уже почти выпил из меня магию и в любой момент мог окончательно «вылупиться». Ладно я умру, когда это случится, но ведь и остальным не поздоровится. Почти неуязвимая, магически мощная гадина, абсолютно чуждая морали и нравственности...

И Кейдан... Мне становилось физически плохо, когда я думала, что эта тварь устроит моему любимому. Было очень больно думать о том, что он поверит – это я его предала. Или не поверит? Вдруг догадается? Ну он же знает меня! Любит, понимает! Он должен догадаться, что это не я, должен что-то заподозрить!

А если нет? Даже думать не хочется.

Ну же! Ну кто-нибудь, найдите уже это демоново зеркало! Райно я давно не видела, поначалу он еще пытался со мной беседовать, но, не получив ответа, злился и уходил. А последние несколько дней... Как я пропустила? Там явно что-то происходит!

Я бессильно ударила кулаками по зеркальной поверхности, и именно в этот момент кто-то с той стороны сдернул покрывало.

Я задохнулась, встретившись глазами со своим герцогом... Одного мгновения оказалось достаточно, чтобы охватить взглядом изменившийся пейзаж за стеклом: это уже не спальня Райно, это поле битвы, и там, за спиной Западного Ветра, дымятся развалины крепости моего сумасшедшего бывшего друга. Кей пришел за мной?! Догадался?!

– Кейдан! – радостно вскрикнула я, снова ударив кулаками по стеклу. – Кей, ты...

И тут же поняла. Нет, не за мной. Нет, не догадался...

– Ты поверил, что я могла предать, – онемевшие губы почти не слушались, ноги сами отступили от зеркала на полшага, и руки зябко обняли плечи. Стало так больно и холодно.

– Шивон?! – Кейдан задохнулся, глядя на меня. – Что?! Ты...

Я понимала, понимала, что он не виноват! Зеркальная тварь – она ведь не просто внешне моя копия, она полное мое отражение. Она двигается, как я, она говорит моими словами, у нее моя аура, и отпечаток ее магии – это отпечаток моей магии! Ветер не виноват, как и все остальные мои друзья, которые поверили своим глазам, ушам и магическому чутью...

Почему тогда мне так больно? Почему?!

– Ты поверил, – повторила я, не в силах справиться с этой болью. – Ты...

– Шивон! Что происходит?!

– Я попалась, как последняя дура, – нужно было брать себя в руки и хотя бы теперь нормально объяснить ему, что произошло. Быстро, в двух словах, глядя, как расширяются его зрачки и бледнеет без того мучнисто-белое лицо.

– Шивон... боги и демоны... как?! Как тебя вытащить оттуда?! И что делать с этой?

Кейдан оглянулся, и за его плечом, чуть в стороне, на телеге, я увидела связанного Райно, уже лишенного герцогской цепи. А рядом с ним...

Мне хватило мгновения, чтобы понять – зеркальный демон готов вот-вот переродиться, разорвать связь с моей тюрьмой, и тогда...

– Разбей зеркало! – заорала я что было силы. – Разбей! Сейчас же!

– Ши?! – растерялся он, заподозрив неладное.

Но я не дала ему времени:

– Хочешь освободить меня, бей!

За его спиной жутким голосом взревел монстр с моим лицом и кинулся на того, кто оказался ближе всех, – на Райно. А я отчаянно замолотила слабеющими руками по стеклу и снова заорала:

– Кей! Разбей зеркало, умоляю!

Кейдан, оглянувшись на монстра и сжав побелевшие губы, выхватил из ножен меч и что было сил ударил навершием рукояти по стеклу. Осколки брызнули в разные стороны... дробясь и режа острыми гранями мою тюрьму и меня.

– Шивон?! Нет!

– Спасибо... Прости...

Как жаль умирать. Да еще так глупо и рано. Но зато я еще успела увидеть и услышать, как потусторонняя тварь, едва не вырвавшаяся на свободу, с диким визгом разлетелась хрустальной крошкой, не успев никому по-настоящему навредить. Даже Райно. Этот идиот заслуживал смерти, но я рада, что успела его спасти. Жаль, что пришлось обмануть Кейдана. Но ведь смерть – это тоже немножко свобода?

Не хочу умирать. Обидно. Кейдан... Чего бы я только ни отдала за возможность выжить и вернуться!

Белый туман обступил со всех сторон, и откуда-то из его глубины мне вдруг послышался женский голос. Он звал и просил, а еще обещал отдать жизнь, если я... что?

Глава 3

Ох... больно. Везде больно. Такое впечатление, что осколки разбитого зеркала не просто изрезали мое тело, а попали внутрь, и мелкое острое крошево течет по жилам вместо крови, режа и царапая изнутри.

Так. Но если больно, значит, я жива? Значит, я все же дотянулась до голоса в тумане и взяла чужую жизнь в обмен... на что, кстати?

«Дети... – всхлипнул вдруг кто-то совсем рядом. – Мои дети!»

– Что? – в горле пересохло, язык ворочался с заметным трудом, и я закашлялась. Какое странное ощущение. Словно я – не я.

«Конечно, не ты, это же мое тело, – тоскливо отозвался все тот же голос. – Но ты обещала!»

– Что обещала?! – я резко села и тут же тихо взвыла – неприятные ощущения нахлынули с новой силой. Стекло крошево в крови оживилось и пустилось в пляс по венам. Но это уже мелочи, гораздо больше меня волновал ответ на вопрос. Клятвы мага – это же очень серьезно! Что я могла такого пообещать в обмен на жизнь?!

«Не бросать моих детей», – голос явно был женским. Печальным таким.

Я собралась с духом и открыла глаза. Ох, тварья мать! Где это я? И почему со мной разговаривает странная штука, похожая на цветной матерчатый гриб на тонкой ножке, да еще с хвостом?

«Это называется лампа, – все так же печально, чуть ли не умирающим голосом сказал гриб. – Господи, это даже не смешно...»

– Абсолютно не смешно, – согласилась я, продолжая оглядываться.

Тесная каморка, даже меньше, чем башня, в которую меня заточил Райно. Я бы подумала, что нищенская, но на полу хороший ковер, стены ровные и оклеены чем-то явно дорогим на вид, мебель очень непривычная, но сложная и новая. И зеркало, зеркало, которое разбилось, – огромное, от пола до потолка, вделанное в дверцу шкафа, полного вещей из недешевых тканей...

Я снова перевела взгляд на странный гриб-лампу, и тут вдруг в закрытую дверь каморки заколотили ногами, а потом и вовсе принялись выламывать.

– Шура, ты там? – кричал новый голос из-за двери. – Отзовись! Открой дверь!

«Мужу позвонили... – растерянно сказал гриб. – Ох, что теперь будет?»

– Какому еще мужу?!

«Моему. То есть теперь твоему. Бывшему».

– Тварья мать, лучше бы я просто сдохла, – попытка встать окончилась неудачно – я вдруг увидела свое отражение в зеркале, поперхнулась воздухом и позорно рухнула в обратный обморок.

Тихая ненавязчивая музыка звучала где-то внутри моей головы. Я прислушалась и с удивлением поняла, что довольно сложная мелодия в какой-то момент нелогично обрывается на полноте и начинается сначала, замыкаясь в круг. Что это?

– Гипертонический криз, – произнес мужской голос, и музыка прекратилась, что-то звякнуло, брякнуло, словно на деревянный стол поставили металлический предмет. Руку больно кольнуло, я почувствовала холод входящей под кожу иглы и попыталась дернуться, но безуспешно.

– Можем, конечно, госпитализировать, – как-то кисло ответил мужской голос на чье-то неясное бормотание. – Но сами знаете... по ОМС отвезем в районную больницу, а там в

выходные только дежурный врач, и тот к вечеру никакой. Ну да... сами, в общем, решайте. Давление мы сбили.

– Нет, никаких больниц, – безапелляционно заявила какая-то женщина, судя по тембру – немолодая, но очень уверенная в себе. – Там просто некому будет за ней присматривать, и вообще... сегодня я еще согласна потратить свое время, но ездить каждый день на другой конец города – извините. Вообще, этого следовало ожидать, при таком безответственном отношении ко всему буквально, в том числе и к собственному здоровью. Я всегда говорила...

Противная тетка нудела и нудела, ей отвечали не очень громкие мужские голоса, пару раз кто-то всхлипнул на заднем плане, вроде бы ребенок. Так. Открыть глаза или пока не стоит?

«Да ничего интересного ты не увидишь, – вздохнул гриб на ножке. Этот голос я уже узнала. – Свекровушка, пьющая кровушку у всех, до кого дотянется. Гадина старая, к родным внукам ей лень ездить, ничего, что их мать чуть не сдохла».

Я недоуменно замерла. Комментарий гриба прозвучал довольно громко и отчетливо, а «свекровушка» и те, с кем она разговаривала, не обратили на него ни малейшего внимания, как будто не слышали.

«Да они и не слышат. Только ты, потому что оказалась в моем теле. Сейчас, подожди, она насосется и отвалится к себе домой, упырица ненасытная, тогда я тебе все расскажу».

Тварья мать, вот это я влипла. Хотя... после того, что случилось, вся эта нелепая возня в странной комнате с зеркалом и говорящим грибом – не так уж и плохо. Гораздо хуже было бы без остатка раствориться в небытии, после того как зеркальный монстр доел мою магию и принялся бы за душу. А так, выходит, я от него сбежала в... куда? В чужое тело?

«В мое, – тут же уточнил гриб-лампа. – В тело Александры Михайловны Петровой, тридцати пяти лет, матери-одиночки двоих сыновей. РСП».

Это что за зверь? РС... чего?! И как это – мать-одиночка, если есть свекровь? Вдова, что ли?

«Да если бы! – невесело вздохнула лампа. – Вон он, муженек, примчался, как же, бесплатная сиделка-нянька-обслуживалка поломалась! Надо же что-то делать, а то его новой молодой женушке не нужны его детки в ее новой шикарно обставленной квартирке».

Так, погодите. Что-то не стыкуется. Какая, к тварьей матери, новая жена у мужчины, у которого есть старая... тьфу, вот эта вот жена всего тридцати пяти лет – девчонка совсем! Когда он успел заделать ей двух детей, извращенец? И с какого перепугу тогда она одиночка?! Тварья мать, меня что, занесло в чокнутый мир каких-то пустынных придурков, у которых гаремы?!

Хотя и тут не клеится. У пустынников первая жена, да еще родившая сыновей, никогда одна не останется, она же мать наследника. Она, может быть, и старая, но зато старшая! В авторитете. А тут чего-то не похоже.

Лампа-гриб-старая жена тридцати пяти младенческих лет вдруг отчетливо захихикала. Но как-то невесело.

«Нет, у нас современное общество, где никто никому не должен, – пояснила она. – Особенно мужчина женщине. А женщина как раз должна, причем всем. Особенно если она мать».

Эм... тварья дупа, я попала в ад. Тьфу, зараза, так и знала, что ничем хорошим дурацкая придумка сумасшедшего Райно закончиться не могла. Но чтоб настолько?!

– А я вам говорю, оставьте лекарства и рекомендации. Я проконтролирую, чтобы Шура выполняла все предписания. Ей наверняка пойдет на пользу специальная диета, заодно сбросит лишний вес и станет похожа на человека. Что? Глупости, какое еще переутомление? Где она может переутомиться, дома, занимаясь детьми? Короче, не морочьте мне голову, выпишите лекарства и...

– Да нам-то что. Пишите отказ от госпитализации, и дело с концом. Дамочка, быстрее пишите, вы и так отняли у наряда кучу времени.

– Вы невоспитанный хам, и я обязательно напишу на вас жалобу! Уходите!

М-да. Похоже, надо открывать глаза и разбираться с этой визгливой старухой, у меня от ее голоса в голове звон и противные оранжевые круги перед глазами. Надеюсь, лампе эта бабка не слишком дорога, как память о бывшем муже?

«Да век бы не видела. Только... ее попробуй выставь. Слово поперек скажешь – она потом полгода будет припоминать, напакостит, где только сможет, и ни за что не повезет больше младшего ни на кружок, ни к врачу и Вите будет петь в уши, и...»

Так, отставить нытье! Не знаю пока, что тут за кружки, мужья и младшие, а эта бабка мне точно надоела.

Глава 4

Я все же открыла глаза и попыталась сесть. Так. Какова диспозиция для боя?

Я все в той же комнате с разбитым зеркалом, но не на полу, а на какой-то узкой и неудобной кушетке. Рядом со мной переминаются с ноги на ногу двое мужиков в странных салатových одеждах и шапочках. Один из них складывает в большой саквояж жутковатого вида железки и другие непонятные штучки.

«Это врач из скорой помощи, – любезно пояснила Лампа, тьфу ты, Александра. – Они сделали укол, снижающий давление, а в остальном им пофиг. Может, попробуем их задержать? А то страшно...»

Нет уж. Пусть проваливают, мне они не нравятся, со своим здоровьем я как-нибудь сама разберусь. Если я не чувствую сейчас в теле ни капли магии, это не значит, что ее не появится со временем. А если вернется хоть толика – без лечения я точно обойдусь.

Так, смотрим дальше. На кушетке в ногах сидит довольно потрепанный мужик с бледноватым и брызгливым лицом бывшего красавчика и первостатейного зануды.

«Ну почему сразу бывшего? – обиделась Александра. – Он и сейчас ничего... не то что я».

М-да-а-а, если мое новое тело выглядит еще хуже, чем этот мужик... это плохая новость. Ему же лет двести на вид, а то и все двести пятьдесят! Старый извращенец, кто ему разрешил совращать ребенка?

«Он мой ровесник!» – почему-то обиделась Лампа.

Тварья мать. Как все плохо и непонятно... Ну да ладно, потом разберусь, смотрим дальше, благо все присутствующие на пару секунд зависли, разглядев, что я очнулась.

Так, а вот и свекровушка, любительница кровушки. Тут я не ошибусь – во-первых, больше противных старух в комнате не наблюдается, а во-вторых, в ее холеном и старательно накрашенном лице угадывается заметное сходство со старым извращенцем.

Что интересно, детей я в комнате не увидела. То ли выставили, то ли им самим не хотелось тут находиться – пока не знаю. Ну да и ладно...

– Наконец-то! – старая гримза поджала губы и посмотрела на меня как на бесхозного зомби, выползшего из-под мусорной кучи на ее заднем дворе. – Надеюсь, больше ты не станешь выкидывать таких фокусов! Безобразие, ты напугала детей, сорвала с работы Витеньку, отвлекла меня от важного дела, и все из-за какой-то ерунды и собственной безалаберности.

«Важное дело у нее... Опять морщины подтягивала в клинике, – пробухтела у меня над ухом Лампа. – Скоро вместо носа две дырочки останется, а уши можно будет на затылке бантиком завязывать».

Интересно, а вслух бывшая владелица тела такая же смелая была? Или это она выступает в разговорном жанре только потому, что ее никто, кроме меня, не слышит?

– Ах, простите... – я прислушалась к суфлированию Александры и сладким голосом продолжила: – Валентина Дмитриевна! Какая досада, что я со своей глупой болезнью оторвала вас от такого важного дела, как косметическая подтяжка лица. Вам без нее действительно никак не прожить, это ведь жизненная необходимость – отдать несколько сотен тысяч, чтобы выглядеть моложе своих шестидесяти пяти лет.

Лампа, никем, кроме меня, не слышимая, запищала от ужаса, и мне показалось, что она даже своим хвостом задергала в попытке убежать и спрятаться. А вот я как ни в чем не бывало честно вытаращилась в багровеющее пятнами личико вредной тетки и заботливо спросила:

– Что такое, мама, вам нехорошо? Доктор! Доктор, не уходите, нашей бабушке плохо!

И, пользуясь тем, что все совершенно ошалели от такого моего выступления, я села на кушетке, а потом прицельно пнула бывшего мужа Александры ногой, спихивая на пол:

– Витя, что ты сидишь?! Задержи докторов и подай матери воды! Не видишь, пожилого человека сейчас удар хватит?

«Его сейчас самого удар хватит, – мрачно прокомментировала Лампа. – Ты ему свекровь сдала, как стеклотару за бутылку водки... Он знать не знал, куда его маман такие суммы тратит из тех, что он ей “на лечение” выделяет. Она-то пела про сердце и желчный».

Ничего, значит, вдвойне полезно обоим правду узнать.

«Она мне... то есть тебе этого в жизни не простит, – совсем впала в уныние Александра. – Сожрет теперь...»

Подавится. Я сама кого хочешь сожру. Тем более дамочка вовсе не выглядит чудищем, обычная манерная тетка – рухнула на стул, обмахивается платком с видом умирающей моли и мелкими глоточками пьет воду из стакана, которым ее любезно снабдил мужик в салатовой пижаме. Причем мужик этот выглядел подозрительно довольным, хотя его опять задержали. И второй от двери лыбится. О, подмигнул! Мне. Кажется, эта гримза и их достала.

А бабушка все старается, делает вид, что прямо сейчас кони двинет, и даже не смотрит на своего Витеньку. Тот тоже, гляжу, расцвел пятнами, прямо жаб-бурбулюк с Потрехонских болот. Это у них семейное, похоже.

Но скандалить на людях постеснялся. Жаль, я бы понаблюдала с удовольствием, мне же надо знать, чего ожидать от этих персонажей в будущем. Нет лучше способа, чем вот такое представление, где люди теряют выдержку и показывают свое нутро.

«Витенька» тем временем пошел провожать мужиков в пижамах до двери, и, как только они скрылись из комнаты, свекровь моментально перестала умирать. Выпрямилась на стуле и вперила в меня ненавидящий взгляд.

Лампа на заднем плане, кажется, упала в обморок. Ну что сказать, я ее понимаю. Это мне пофиг на чужую родню, а для Александры это мать мужа, старшая женщина в роду. И хотя я бы на ее месте все равно не позволила так с собой обращаться, в Шурочкину сторону бросить камень у меня рука не подымется. Не все рождаются боевыми магичками. А эта ведьма, судя по ледяным глазам и кривой усмешечке, и правда умеет устроить окружающим веселую жизнь.

– Вот, значит, как, Шурочка, – прошипела бывшая свекровь. – Мало того, что ты испортила жизнь моему сыну, дрянь неблагоприятная, ты еще и мне смеешь вредить? Тебе это дорого станет.

– Посмотрим, – я ответила прямым безмятежным взглядом, чем привела старуху в замешательство. Она ждала, что я испугаюсь и начну просить прощения? Похоже. – Вы ведь, Валентина Дмитриевна, уже в том возрасте, когда пора подумать о том, кто за вами в старости будет ухаживать, воду подавать, горшки менять.

Я смотрела прямо в лицо старухи и понимала, что интуиция меня не подвела – бью в цель. Она испугалась, хотя и старалась этого не показывать. Откуда я это все узнала? А насмотрелась в свое время таких вот дамочек за триста, выпивших все соки из родни и прислуги. Ко всем своим милым привычкам они еще и трусливы, крайне подозрительны, всегда ждут подвоха и никому не доверяют, кроме тех, кого смогли сломать и превратить в своего раба.

Поэтому я, все так же по наитию, под обморочное молчание Лампы продолжила:

– Очень сомневаюсь, что новая жена Витеньки будет этим заниматься. Да и на него самого надежд нет. А вы ведь так не любите пускать к себе в дом чужих людей, особенно по найму. Или обкрадут, или отравят, да? Так что на вашем месте я бы хорошо подумала, прежде чем портить отношения с единственным человеком, на которого вы могли бы рассчитывать.

– Да я... да я куска хлеба из твоих рук не возьму! – опомнилась наконец свекровь. – И все расскажу сыну, пусть знает, какую неблагоприятную змею мы пригтели!

– Ну мне же легче, – я пожала плечами и безжалостно продолжила: – Не придется за старухой ходить. А насчет змеи и Витеньки, вы забыли, наверное, что я в курсе не только о подтяжке лица. И тоже много чего могу рассказать.

Тут я, конечно, стреляла наугад: Александра до сих пор молчала как настоящая лампа. Но, судя по вытянувшейся физиономии свекровушки, я снова попала точно в яблочко.

Глава 5

Что интересно, бывший муж Александры в переговоры так и не вступил. Такое впечатление, что его все же самую малость мучила совесть, но ему эти муки активно не нравились, и уж он их душил-душил, душил-душил... а в процессе ему было не до бывшей жены, и вообще, смотреть на нее неприятно.

Так что он общался с «докторами из скорой», с мамочкой своей, с детьми где-то там, в «прихожей», а для Шуры у него доброго слова не нашлось, кроме беглого «выздоровливай» через дверь. А еще он воровато оставил на столе цветные бумаги.

Про них, едва оправившись после шока, Лампа сказала, что это деньги. Грустно так сказала, ей было больно от равнодушия когда-то любимого человека и отца ее детей, который теперь откупается от нее мелочью, как от побирушки.

Ну а для меня как раз все было к лучшему. Я дожидаться не могла, когда все эти незнакомые и не слишком приятные люди уберутся восвояси и я получу, наконец, возможность закрыться в этой тесной каморке и выпросить Лампу подробно: какого демона здесь происходит и как так получилось.

Я через дверь слышала, как мужчина прощается с сыновьями, и с интересом ждала, додумаются ли юные обитатели этого дома заглянуть к матери, проверить, как она вообще? Или оба настолько в папочку, что решат лишний раз не беспокоиться? Впрочем, вроде бы они еще совсем маленькие.

Александра тихонько вздыхала на столике, я прошлась немного по комнате и по под-сказке Лампы сходила по естественным надобностям, как только гости отчалили. А удобно тут у них все устроено, хотя и ужасно тесно. Потолок такой низкий, мне все время кажется, что вот-вот упадет на голову. Но зато удобства без магии, а работают на ура! Называется ка-нали-за-ция. Надо запомнить...

Дети, уразумев, что мамаша хоть и медленно, но ползает, почти совсем успокоились. Старший, с которым свекровушка успела пошептаться перед уходом, почти сразу скрылся в своей каморке, и оттуда стали доноситься звуки «компьютерной игры». Шура так сказала. Потом узнаю, что это за зверь такой и чем недоросль так занят, что даже к матери больной не зашел. Глянул только от двери, убедился, что больше не падаю, фыркнул и отвернулся. Преклестно.

А вот младший через пять минут пришел под бочок. Я только-только настроилась расспросить Александру, а тут он, с подушкой, мишкой и выпяченной нижней губой, как у готового зареветь трехлетки. Вроде большой уже парень, лет десять на вид. Шура вон разохалась как над младенцем, а у меня сработали инстинкты этого тела. Я приподнялась на своем неудобном ложе и приглашающе раскинула руки, куда вся эта компания из мальчишки, подушки и мишки с радостью бросилась.

Я не то чтобы опытный воспитатель, своих детей мы с Кейданом так и не успели завести. Но мелких вообще-то люблю и повозиться с ними всегда соглашалась с удовольствием. А этот вроде бы не чужой... этому телу.

Но сейчас мне как можно скорее хотелось узнать, куда я все же попала, и нахально отжавший вторую подушку короед, с удобством устроившийся на явно привычном месте чуть ли не прямо посередине маминой кровати, этому делу мешал.

Он посопел-посопел да и задрых, а мне как разговоры разговаривать?

Тьфу ты! Вот дура. Лампу ведь, кроме меня, никто не слышит. И она вполне отвечает на мои мысли. Значит, живем, значит, сейчас будет информация. А короедик пусть дрыхнет пока, потом подвину. А то умиление-умилением, а мне тоже надо нормально спать, не мостясь по краешку кушетки без одеяла и подушки.

Этот ночной разговор запомнился мне на всю жизнь. Мне и горько было за эту несчастную женщину, и зло брало на то, как она позволила с собой обращаться, и сочувствие накачивало волнами. Потому что хорошо осуждать чужое малодушие или недогадливость со стороны и с позиции силы. Когда сама ты любимый балованный ребенок, бой-девка на улице и в младшем скулисе. Хорошо, когда у тебя в тринадцать лет с первой кровью приходит магия и твой потенциал таков, что другим бы позавидовать. Хорошо быть уверенной в себе, имея за плечами прочный тыл, клан родни, деньги...

Хорошо.

И даже это не спасло меня от большой любви бывшего друга, от предательства и неверия друзей, от смерти.

А Шура... обычная девчонка из провинции, замотанная хозяйством мать, добрый и порядочный, но выпивающий отец, младший брат-оболтус. Сначала родили няньку, потом ляльку. Мальчик – свет в окне, ему все самое лучшее, самое вкусное – парню нужнее, он будущий мужчина, кормилец.

А тебе маме надо помогать, девочка-хозяюшка, да что тебе этот факультатив, ты главному учишься, чтоб замуж удачно выйти и жить счастливо. Все остальное глупости, все так говорят, и в книгах пишут. Все эти бизнесвумен в итоге – несчастные и одинокие старухи, толку от ее успехов, если детей не родила, семьи не построила?

У меня от такой постановки вопроса аж волосы на Шуриной голове зашевелились. Это что за?!

Короче, много там было обычного до тошноты и невеселого.

Мелочи из тех, что капелька за капелькой любой камень сточат.

Девочки – это особые существа. Девочкам нельзя кричать, спорить, отстаивать свое, не дай боги, драться! Вот мама на папу никогда не кричала и не ругалась, даже когда он домой на рогах приползал. Поднимала, отмывала, укладывала, а утром еще и рассолу подавала... Погода в доме – женское дело, а мужчины – они как дети, ласку любят. Будь мудрее, будь мягче. Ты будущая мать и жена, и никак иначе! Ведь без мужа женщина ничто, любые ее достижения ерунда, если за подходящие штаны не выскочила...

И учили, учили все детство быть послушной девочкой, старшим никогда не перечить, с братом не ругаться, «уступи, тыжедевочка, тыжестаршая, тыжумнее».

Удивительно разве, что Шурочка как огня боится любого конфликта и не переносит разговоров на повышенных тонах? Что недолюбленная девчонка, у которой в семье ласка была только для «мужчин-детей» (это вообще что за ужас?! Я всегда думала, что мужчины – такие же люди, как все, а не половозрелые младенцы), так приросла к тому, кто по-настоящему пригрел?

Нет, само-то по себе это ведь прекрасно! И женой, и матерью, да. Но зачем так откровенно выпихивать дочь из дому в восемнадцать, дескать, замуж иди, пора, провыбираешься до двадцати, останешься старой девой, никто и не возьмет, вот тогда наплачешься!

А Шура вон и школу закончила неплохо, уехала в столицу, поступила в хороший вуз, училась не без успехов, кое-чему даже научилась, хотя диплома так и не получила. Была веселой, легкой, женственной. И за первого попавшегося не пошла, выбрала своего Витю. И неплохо ведь жили!

Виктор был хорошим мужем, ну, до того, как... добрым, ласковым, заботливым – по ее меркам. Красиво ухаживал, слова говорил... Все как в сказке!

Глава 6

И Шура справлялась с детьми и хозяйством, ей это нравилось.

Пусть и Антон болел поначалу много, но выправился ведь! Дом сиял, все знакомые нахваливали ее способность наводить волшебный уют и готовить такие обеды, что пальчики оближешь. И сыновья у нее умницы и вовсе не слишком избалованные! Просто развод, стресс, вот и покатило все к бесам. А раньше ведь все было правильно, как бабушка когда-то учила. Муж не пьет, не бьет, деньги приносит в дом, к жене ласков – чего еще надо?

На мое скептическое хмыканье она только невесело вздохнула. И стала рассказывать дальше. Про то, что не такая уж она и дура, в конце концов, и не лентяйка, и вообще...

Ну вот вроде жаб-то ее не то чтобы козел, изверг и паразит. И в то же время были некоторые настораживающие моменты.

Например, только сын окреп и Шура решила в институте восстанавливаться – кое у кого презервативы стали рваться и рваться, прямо каждый раз. Это такие штуки, которые... м-да. Чего только не придумают люди без магии. Но не суть.

Очень вовремя вторая беременность подоспела. И сразу вдвоем на нее насели со свекровью: дети – это счастье, как ты можешь вообще о чем-то другом думать, рожай, это же твое главное предназначение в жизни, мы все поможем... И свои родители из провинции называли, мозг правили.

Родила. Ну и какая учеба с двумя, которых оставить не на кого? Да и Антон, словно из ревности, стал снова чаще болеть, даже в детсад не отдать. Так, вечерами для Виктора отчеты разбирала, освоила даже какую-то 1С... Заклинание, что ли? А, неважно пока.

А еще через три года? Вроде позвали ее на хорошую работу по знакомству, как мелкий подросток, с перспективами, так надо же так совпало – муж именно в день собеседования купил себе клубнику (это что за пакость такая? Ягода? Не люблю ягоды, и правильно), на которую у сына жутчайшая... э... аллергия? А, крапивница, понятно. Ну вот, и оставил на тумбочке в прихожей. Забыл, с кем не бывает. Деть, понятное дело, налопался и стал весь в папочку – в малиновую крапчатку. С ревом, зудом и прочими радостями. Чуть ли не отеком гортани.

И если бы один такой случай, я бы тоже, как наивная Шурочка, решила – ну случайность, с кем не бывает. Да только вот она, бедолага, нашла во мне свободные уши и все рассказывала, рассказывала.

Таких случаев там не один был, и не два. Нет, больше клубникой муж детей не кормил, но он то забыл, что Шура просила пораньше вернуться, ей надо бы на курсы этой самой загадочной 1С, и старшего из сада не забрал – бросай все и беги, то на работе неожиданно задержался, то Валентина Дмитриевна, милостиво пообещав пару часов посидеть с внуками, в последний момент оказывалась занята... И прямо всегда та-ак совпадало все неудачно... или удачно кое для кого.

Как раз в это время примерно умер Шурин отец, мать стала много болеть и не могла приехать помочь с внуками, ей самой требовалась помощь.

Витя не жадничал, всегда разрешал послать денег, хотя и ворчал временами, что там еще сын есть, здоровый лоб, квартиру на него переписали, мог бы и лучше о матери заботиться. Но это же не со зла? Помогать же не отказывался.

А что не хотел жену на работу отпускать – так это ведь потому, что любил, скучал без нее и о детях заботился! Фитнесы все эти – так она для него и так красивая была... он сам говорил! И что полнота к лицу, и что...

«Шура, ты дура? – в какой-то момент не выдержала я. – Они же тебя использовали, подстраивали это все и даже особо не прятались! Как ты могла во все это верить?»

«Сейчас и сама вижу, – вздохнула Лампа. – А тогда... Ну подумай, это же не чужие люди, это муж, любимый, самый близкий... защитник, опора. Как ему не доверять? Подозревать? Да мысли такой не было. Разве нормальные любящие люди так поступают со своими близкими? И потом... он ведь просто хотел детей... и чтобы я всегда рядом...»

Лампа всхлипнула, а я мысленно сплюнула. Тьфу ты, в самом деле!

«Да и не сразу ведь плохо стало. Знаешь, у нас говорят, что если посадить лягушку в холодную воду, а потом медленно и постепенно ее нагревать, то она сама не заметит, как сварится. Вот так и я... Тут вроде мелочь, там промолчала, сям «мудрость» проявила. И как-то вдруг постепенно оказалось, что я всем должна, а мне никто. И уют уже не тот стал, и я сама не та... Сейчас вспомнить – и подруг моих Виктор из моей жизни выдавил, и увлечения мои, если они не касались того, как поудобнее семью обслужить. А я, дура, ничего не замечала, пока гром не грянул».

Уф-ф-ф... Короче, все сложно и грустно, но не безнадежно. Для меня. Правда, сведений о мире, куда я попала, маловато. То есть она есть, но мельком, пришлось самой мозгами шевелить, чтобы выловить из невеселой Шуриной жизни крохи информации. А перебивать и сворачивать на нужную мне тему я не стала – надо же человеку хоть раз в жизни выговориться, даже если она уже не она, а Лампа.

Главное, что я поняла – здесь нет магии. Вот это может стать проблемой... но решать я ее буду завтра. Утро вечера мудренее.

Я осторожно сдвинула сладко посапывающего мальчишку к стеночке, не обращая внимания на его недовольное бурчание сквозь сон, на тихое оханье бывшей хозяйки кровати и тела – дескать, разбудишь, он перенервничал и вообще маленький еще, – и устроилась поудобнее. Хочет дрыхнуть в моей кровати, пусть привыкает к тому, что мне тоже надо место. И одеяло, кстати! Вот же шушрик гнездовой, замотался, окуклился и доволен. А мать мерзни!

Нет уж. Я вам не Лампа. В смысле, не Шурочка. Поэтому устроилась вполне неплохо, отвоевав себе и подушку, и существенную часть кушетки, а сыночка обняла, как тряпичного бурбулю из своего детства, укрыла нас обоих одеялом и как провалилась в сон без сновидений.

Все за-автра...

Утро началось эпически.

– Мама! Мама! – благим матом заорал у меня кто-то над самым ухом. – Я из-за тебя проспал!!! Почему ты меня не разбудила?!

Инстинкты боевой магички оказались сильнее навыков этого тела, да я вообще забыла, что оно не мое, а я сама непонятно где. И отреагировала так, как привыкла реагировать на опасность: резко скатилась с ложа, сгруппировалась, отпрыгивая в сторону, и ударила на звук заклинанием остолбенения.

Кхм... хотела ударить, но ничего не вышло. Магии как не было, так и нет.

Зато есть встрепанный, заспанный и красный от злости недоросль, застывший в шаге от дивана и с открытым ртом тарасившийся на прыгучую мать.

Глава 7

– Совсем ошалел, так орать с утра пораньше? – недовольно спросила я, поднимаясь с пола и набрасывая сдернутое одеяло на перепуганного спросонья младшего.

– Я ошалел?! – голос подростка дал петуха от возмущения. – Посмотри, сколько времени! Я опоздал на контрольную из-за тебя! Я вообще везде опоздал!

– Сыночек, тебе сколько лет? – обманчиво-ласково спросила я, одергивая на себе странную одежду, которую Шура вчера назвала футболкой. – На вид вроде достаточно взрослый, способен сообразить, что после вчерашнего приступа надо не просто самому о себе позаботиться, но еще неплохо бы матери помочь. Что, это такая сложная мысль?

С этими словами я отодвинула онемевшего парня с дороги и пошла в «санузел», это гениальное местное изобретение безмагичных существ.

– Бабушка сказала, что ты просто пытаешься привлечь к себе папино внимание! – сквозь дверь санузла донесся до меня приглушенный вопль опомнившегося... как его? Антона. – Ничего серьезного с тобой не было! И вообще...

– И вообще, я не глухая, – выйдя из туалета, я ласково улыбнулась недорослю и тут же, пока он не успел еще чего-нибудь сказануть, скрылась за другой дверью – в ванной. И уже оттуда закончила: – А ты грамотный. Полюбопытствуй, там на столе выписка лежит. В ней написано, чье внимание я пыталась привлечь. Раз мои слова для тебя не авторитет – узнай мнение врачей.

Контрастный душ удалось устроить с помощью здешних кранов даже без магии, поэтому я довольно бодро выбралась из ванной комнаты минут через пятнадцать. Пока мылась-вытиралась, успела оценить состояние тела. М-да... подумаю об этом позже. А то чего-то даже в маленькое запотевшее зеркало над раковиной было страшно заглядывать, и я малодушно не стала его протирать. Вот сейчас чуть разгребусь, встану перед большим зеркалом в комнате – Шурочка же только одно разбила, а втораядвигающаяся стеклянная дверь осталась целой – и тогда разом оценю глубину задницы, в которую попала. И буду думать, как выбираться.

Что интересно, пока я мылась под текущими сверху струями, никто под дверью ванной больше не орал. Ну и отлично. Я спокойно прошла в свою комнату, из которой уже слинял мелкий, и полезла в шкаф, чтобы достать свежее белье и чистую одежду. Лампа-Шурочка вполне успешно руководила этим процессом со своего места, хотя по ее судорожным вздохам в я поняла, что вопли сына ее взволновали и задели.

«Заходил, читал?» – спросила я вскользь у Лампы, натягивая довольно удобные черные штаны из плотной ткани, которые прежняя их хозяйка называла «джинсы».

«Нет, – угрюмо вздохнула Александра. – Он ведь правда опоздал... все опоздали. И завтрак не готов. Паша по утрам любит какао...»

«Шура, твои дети не безрукие, не безмозглые и достаточно взрослые, – мягко сказала я, оставляя на потом возможность внимательно рассмотреть собственное отражение в зеркале. Мельком я специально старалась не заглядывать, глупо и нерационально надеясь, что если сделаю все «правильно», то смогу обнаружить в отражении свое собственное лицо. – Да, им еще нужна родительская защита и опека, но уж приготовить себе еду в таком возрасте мальчики умеют».

С этими словами, не слушая возражений, я вышла из комнаты и отправилась на кухню. Есть-то мне тоже хотелось! А учитывая, что я понятия не имею, как тут и что устроено, у старшего парня просто не будет выбора – либо он мне поможет, либо все останутся голодными.

М-да-а-а-а... это я удачно зашла на враждебную территорию. Как боевой маг, я прекрасно умею приготовить еду с помощью магии или на походном костре. А здесь что-то непонятное, о чем я, умница, даже не подумала расспросить Шуру. И при этом на кухне обрета-

ется притихший младший с губами сковородником и вздрюченный старший. Сидят за столом. Смотрят на меня.

– А почему завтрак еще не готов? – задала я резонный со своей точки зрения вопрос.

– Так ты же проспала и не приготовила, – с презрительно-недовольной интонацией выдал Антон.

– Сынок, ты плохо меня расслышал? – я прислонилась плечом к косяку и участливо посмотрела на подростка. – Мама заболела. Достаточно серьезно. У мамы после ги-пер-тонического криза очень плохо с памятью. Если и дальше на маме ехать, посвистывая кнутом, у мамы в мозгу лопнет сосуд и мама станет овощем, который тебе придется не просто кормить, но еще и эти менять... как их... – я пощелкала пальцами, вспоминая слово.

– Памперсы? – робко пискнул Паша.

– Вот! – обрадовалась я. – Они самые. Молодец. Так что считайте, что обслуживающая машина под названием «мама» поломалась.

Антон снова фыркнул, схватил со стола плоскую коробочку со светящейся цветной стеклянной поверхностью и начал тыкать в нее пальцем, а сам в это время, довольно зло косясь на меня, ушел в коридор. Точно. Это же мобильник, Шура упоминала! Средство связи.

Я слышала, он там разговаривает с кем-то. Кажется, с отцом и с бабушкой. И кажется, ни тот, ни другая не рванули решать проблему здорового лба с завтраком и опозданием. Папа на совещании, бабушка... просто занята, и ей неудобно разговаривать.

Понятно, почему в кухню вернулся не мальчик, а хмурый осенний день. Я, все еще стоя в дверях, спокойно его пропустила и мило улыбнулась в ответ на сердитый взгляд.

– Итак, сегодня ты тут за главного. Считай, что мы репетируем мою окончательную поломку и отказ памяти. Где у нас еда? Показывай.

Скрипнув зубами и пробормотав: «Хватит придуриваться», явно голодное дите вынуло из навесного шкафа пакет с хлебом, а из большого серебристого ящика, из которого пахнуло холодом, нечто, отдаленно смахивающее на...

– Может, ты и колбасу нарезать разучилась? – сын ехидно шлепнул на стол здоровенную розовую штучковину, чем-то похожую на трубу из прессованной ветчины.

– Ну почему, это как раз не разучилась, – я прошла, наконец, в это странное неизведанное помещение, огляделась, нашла нож – их там несколько торчало из специальной подставки в виде железной банки, наполненной странными мягкими веревочками, между которых втыкались лезвия, – и машинально подбросила с проворотом, определяя баланс. Так себе, но сойдет. И-и-и... раз-раз-раз-раз!

М-да. Слегка переборщила с нарезкой. Куда нам столько-то? С другой стороны, у меня хороший аппетит, а нарезанная еда в холодильном ящике не испортится.

Кивнув своим мыслям, я ловко через полкухни закинула нож в ту самую держалку и только тут поняла, что в помещении стало очень тихо. Оба мальчишки таращились на меня, открыв рты и не дыша.

Ах ты ж, тварья дупа! Расслабилась!

– Ну, кто будет бутерброд? – преувеличенно бодро предложила я и потянулась за хлебом. Но парни мою бодрость не разделили, глаза у них по-прежнему оставались квадратными. Тогда я демонстративно вздохнула и многозначительно постучала себя пальцем по виску, намекая на все то же объяснение – дескать, это не я, это оно само. Поломалось. Ничего не знаю, я маленькая, я больная.

Глава 8

– Как это, не пойдем в школу? – совершенно обалдевший младший ребенок уронил на блюдце бутерброд.

– Ну обыкновенно, – я пожала плечами и намешала себе еще черной жуткой смолы из красивой банки с золотой этикеткой, на которой было написано: «Кофе растворимый». Это я со старшего сына собезьянничала. На вкус гадость невероятная, даже с сахаром в виде белого песка. Но бодрит, бодрит! Как хорошее зелье от мастера гильдии. – Вот вы когда болеете, остаетесь дома, я все бросаю, покупаю вам лекарства, готовлю вкусные вещи и вообще всячески люблю, правда? Во-от. Теперь моя очередь болеть, а вы будете меня лечить и ухаживать.

– То есть ты и работу прогуляешь? Но тебе тогда не заплатят! А я из-за тебя должен тренировку пропустить? – возмутился старший.

– Я же из-за тебя пропускала занятия, даже институт бросила. И потом, на контрольную ты уже опоздал, этот, как его... УЖАБА?

– ОБЖ!

– Точно! Доклад по нему не приготовил, форма на тренировку не глажена. Смысл тащиться?

Я посмотрела на Антона серьезно-невинными глазами и пожала плечами. А он потерял дар речи.

Еще бы, Шурочка у нас была сверхопекающей и самоотверженной до потери пульса мамой, у которой любой прогул, любое недовольство преподавателей и любое отступление от правил вызывали чувство тревоги и чуть ли не истерику. А вот мне, во-первых, пока в принципе наплевать, своих проблем хватает, а во-вторых... я слишком ленива, чтобы так квохтать над детьми. Даже над своими – а тут странное дело: чем дальше, тем больше я двоих этих мальчишек именно своими и воспринимаю. Вот ведь – времени прошло – кусочек вечера, ночь и половинка утра! А у меня в самоощущении такие перемены. Впору насторожиться, но пока я в себе не наблюдаю желания расстелиться детям ковриком под ноги – паниковать рано.

– Антон, ты позвони, пожалуйста, мне на работу, скажи, что я заболела и не выйду на смену. Сегодня днем придет участковый врач и выпишет мне лекарства, надо будет сходить купить.

– Я позвони?! – кажется, чем дальше, тем больше сын уверялся, что мать действительно серьезно повредила мозгами.

– Ну да, – кофе у меня закончился, и я со вздохом отставила чашку. – А я вам с Пашкой в школу записку напишу. Взаимовыручка – основа семьи!

– Какую записку, мам?! – похоже, Антон начал всерьез паниковать. – Кто сейчас пишет записки?! В классный чат в вацапе все сообщения шлют.

– М-да? В этом месте у меня поломка, – согласилась я невозмутимо. – Но постараюсь вспомнить. После того как ты позвонишь на мою работу.

Вообще, конечно, мне сейчас больше всего хотелось сбежать в «свою» комнату и там немного побиться головой о целое зеркало. Вдруг получится провалиться обратно, пусть даже в башню. До меня только сейчас дошло, что за перипетиями Шуриной семейной жизни я толком ничего не узнала о мире, в который попала, и как бы мне действительно не отъехать в дом для скорбных разумом, если я слишком сильно стану показывать, что не умею и не знаю простейших вещей.

Старший сын, похмыкав и несколько раз покосившись на подставку для ножей, в которую я больше не рисковала бросать острые предметы через всю кухню, пошел в комнату, принес оттуда еще одну плоскую коробочку с цветной поверхностью и демонстративно потыкал в нее

пальцем. Я наблюдала с интересом, заодно точно убедилась, что здешние буквы я знаю и могу прочесть. А то совсем весело было бы...

Так вот, он тыкал в картинки, оттуда вылезали белые квадратики с текстами-сообщениями, и я быстро сообразила, что именно так тут люди общаются на расстоянии. Ну-у-у-у... здорово! Почти так же удобно, как магический вестник.

Так вот, сын, скептически шевеля носом, как капризный кролик, «отпросил» меня с работы, а потом толкнул коробочку-«мобильник» ко мне. Ну...

– Спасибо, Тош, – я как ни в чем не бывало подхватила приборчик со стола и потопала к себе. – Сейчас напишу вашим... э... учителям.

И торопливо закрыла за собой дверь, кинувшись к Лампе:

«Объясняй давай, где тут классный чат и что это вообще такое?!»

Уф-ф-ф-ф... все оказалось не так страшно. Разобралась. Заодно выслушала целую лекцию о школе и жизни детей в ней. А пока Шурочка мне ее читала, я решила все же собраться с духом и подойти к зеркалу.

Воровато выглянув из комнаты и убедившись, что в конце концов осознавшие и оценившие идею прогула деточки плотно засели в своих комнатах у «компьютера» и «планшета», я затворила дверь поплотнее, мысленно выругалась, обнаружив, что нет даже намека на внутреннюю задвижку. Видимо, вчера, когда врачи ломились в дверь, ее и снесли. Хотя... а почему следов тогда не осталось? От выломанной? О, тут ручка поворачивается и запирает!

Поворачивалась и запирала, ага. До вчерашнего вечера. Теперь надо новую ставить.

Я еще повздыхала. И пошла к уцелевшему зеркалу.

Ну... раз-два-три!

Скидываем халат и смотрим!

«Какого лысого гоблина твоему мужу еще надо было? – слегка удивленно спросила я через пару минут. – Натуральная блондинка, – я распустила кое-как стянутые в хвост волосы, и они рассыпались пшеничной волной ниже плеч. – Лицо правильное, глаза большие, нос прямой, губки бантиком. В теле, формы есть!»

Тут я с уважением приподняла Шурину большую грудь, вздохнула: всегда о такой мечтала, вот на тебе, называется... и продолжила:

«Это для меня, боевой магички, такое неприемлемо – слишком большой вес и мало мышц. Непривычно и неудобно. Тяжко будет на тренировках и тем более в сражении. Но ты-то! Домашняя, уютная, дважды рожавшая женщина... и все на месте! Пухленько, плавненько, складочки где надо, линии мягкие, животик вон какой уютный. Талия есть. Бедр тяжелые, красивой формы, с ямочками, как мужчины любят. Грудь! Да за тебя полкоролевства герцогов бы передралось, дай ты им на обнаженное тело полюбоваться!»

«Ты издеваешься, да?» – вдруг обиделась Лампа.

«С чего вдруг?» – я удивилась и не утерпела, еще раз повернулась к зеркалу другим боком, чтобы оценить силуэт. У меня, костлявой боевички, такого отродясь не было.

«Да о чем ты говоришь?! Я – жирная корова, с пузом, с целлюлитом, и вообще! – вспылила вдруг Александра. – И никакие диеты не помогают, хоть голодом себя замори! Только хуже становится... неудивительно, что Витя ушел к другой, она за собой следит. Возьми телефон, глянь! У меня там есть фотографии с их свадьбы и медового месяца – свекровушка прислала, сволочь старая! А я, дура, даже не удалила, словно рану ковыряла пальцем!»

«Э-э-э-э...» – больше слов у меня не было. Но пошла и взяла «мобильник», нашла фотографию, посмотрела...

«Знаешь, Шурочка, твой Витя либо идиот, либо извращенец. Из этих, любителей маленьких девочек и даже мальчиков. Потому что такие тощие лапки, острые коленки и ребра вместо женской груди бывают у детей, а нормальная, здоровая, взрослая женщина так выглядеть не может!

Лампа икнула и перестала трагически всхлипывать.

Я хотела добавить еще пару штрихов к портрету ее бывшего мужа, но тут в коридоре раздался быстрый топот, и дверь без стука распахнулась.

Глава 9

Как я успела за полсекунды схватить и натянуть халат – это отдельная магия, на которую я себя, если честно, способной не считала. Но вовремя она появилась, потому что вломившийся в комнату без стука младший ребенок явно не тот персонаж, перед которым матери стоит рассекать в голом виде.

– Мама! – с порога возопил младший наследник. – Я тоже играть хочу! А он не пускает, он и так целыми днями, а мне тоже, а когда... а пусть уступит, МАМА-А-А!!! Папа сказал, что это для двоих компьютер!

«Вот потому надо было в школу их вести, – мрачно прокомментировала эти вопли Лампа. – Теперь весь день от экрана не отлипнут. Еще и передерутся пятьдесят раз...»

Голос младшего сыночки именно в этот момент набрал какую-то особую пронзительную визгливость, у меня зазвенело в ушах, я шагнула к пацану и мягко, но решительно закрыла ему рот ладонью, придержав другой рукой за затылок.

– Ти-хо, – шепотом сказала я ему на ухо, наклоняясь поближе. – Во-первых, надо было постучаться. А во-вторых, у мамы и так голова поломалась, ты хочешь ее добить? Нет? Умница. Значит, можешь продолжать орать, но только шепотом, договорились? Кто не шепотом, того я укушу за нос!

Глаза у детеныша стали по золотой монете, но главное, он перестал верещать. Я удовлетворенно кивнула, параллельно выслушивая бухтение Шурочки по поводу компьютерных игр, и велела Пашке:

– Я забыла, из-за чего вы ругаетесь. Так что пошли, покажешь и объяснишь. Но шепотом, договорились?

Сынок закивал, то ли радостно, то ли удивленно. Решил, что мать сейчас отберет игрушку у брата и отдаст ему?

Ну а я, на минутку выставив его в коридор, оделась нормально и пошла разбираться, что там не поделили два маленьких чудовища. «Ноутбук» – волшебную книгу – в комнате Шурочки я уже видела и даже включала под руководством хозяйки, но в комнате Антона стоял совсем другой агрегат. Здоровенная плоская штука с движущейся картинкой на ней, большой черный ящик и еще штука с буквами-квадратиками на столе под руками мальчишки. Он азартно елозил и шелкал какой-то блямбой по столу и напряженно рассматривал бегающих по картинке сикарашек.

Обиженно сопящий Паша за руку подвел меня к столу и ткнул пальцем в старшего брата, а потом в картинку:

– Вот!

– Вижу, – согласилась я, с интересом рассматривая шустрых козявок, скучковавшихся прямо посередине изображения, и пока игнорируя громко сопящего старшего. Тот делал вид, что никого тут больше нет, никого он не замечает, тем более что у него на голове была надета такая смешная штучка, похожая на коромысло, с круглыми набалдашниками, прикрывающими уши. И я слышала, что там, в набалдашниках, есть звук, который, видимо, достаточно громок для Антона, но не для нас. Тварья дупа, как тут все интересно и сложно устроено!

– Я тоже хочу поиграть! А он не дает!

– Иди отсюда, ябеда, – сквозь зубы процедил старший, косясь на меня из-под своего коромысла с легким вызовом.

– Хм-м-м-м... хм-м-м-м... – я огляделась, нашла в комнате стул, поставила его рядом с Антоном и уселась, внимательно разглядывая, что там происходит на картинке с сикарашками. – Что это за игра? Раз вам так обоим интересно, я тоже хочу разобраться!

– Ты?! – Тошка так удивился, что даже сдвинул блямбу с одного уха и уставился на меня так, словно вместо матери увидел, к примеру, жареную курицу, которая задала ему вопрос по теории построения заклинаний в условиях разреженной магической среды. – Хочешь разобраться?!

– А я что, рыжая? Вам весело, а мне нельзя? – я отобрала у сына коромысло и немного неловко напаялила его себе на голову. Ух ты! Как все хорошо слышно! Только ни твари не понятно. В этих штуках слышалась музыка и слова на чужом языке.

– Я с английским интерфейсом играю, – процедил, слегка опомнившись, недоросль. – Ты все равно не поймешь.

– Ха! – азартно хмыкнула я, отбирая у него и ту штуку, которой он по столу елозил. Я уже успела разглядеть, что ею он как-то руководит сикарашками на картинке. – А ты такой глупый, что даже объяснить не сможешь? Значит, сам не умеешь толком играть, а туда же!

Кажется, это заявление поразило мальчишку в самое сердце. Он приоткрыл рот и пару минут просто молчал, а потом возмутился и...

Короче, развела младенца на слабо, взрослая тетка. И нет, мне не стыдно.

Через час мы втроем азартно орали и спорили, а я как вцепилась в «мышку», так ее и не отдала, самостоятельно достраивая «замок» в «Майнкрафте» и отбиваясь от ночных монстров. Эта игрушка оказалась ужасно интересной и вовсе не глупой. Кроме того, оказалось, что в этом мире огромное количество людей буквально живет в той картинке на «экране», постоянно общается между собой на «английском» языке и еще иногда высмеивает тех, кто пишет в «чате» с ошибками. Так что старшему сыну пришлось все время лазить в «гугл-переводчик» и смотреть не только как переводится, но и как правильно пишется то или иное слово. А Паше он презрительно заявил, что тот не знает английского, так что «нефиг позориться».

– А я выучу! – запальчиво орал младший, прорываясь к экрану. – Мам, мам! Я выучу же? Ой! Смотри, монстр! Быстро же надо...

– Уйди, злодей, мама сама знает, как монстров бить, – пробурчала я, вызвав у обоих сыновей немного нервное хихиканье.

Тварья дупа, эта игрушка оказалась очень затягивающей. Я обо всем забыла – и о Лампе, скучающей в соседней комнате, и о том, что мне бы по-хорошему информацию собирать и в мир вживаться вместо развлечений, и о...

Опомнились мы все трое, когда вдруг в животе у старшего взревел голодный монстр и его рык тут же подхватил страшный зверь из пузика мелкого.

– М-да, – я задумчиво «сохранилась» и вышла из игры. – Что-то я тоже есть хочу. Что у нас на обед?

С этими словами, не дожидаясь реакции мальчишек, я встала и пошла на кухню. М-да-а-а... а ведь после завтрака никто и не подумал убрать со стола и помыть посуду. Все так и стояло, образуя пока еще легкий беспорядок. И вчерашние чашки в раковине мокли потихоньку, ведь Шурочка так и не навела чистоту перед сном.

– Так что будем есть? – спросила я у сыновей, которые, как загипнотизированные, пошли за мной следом.

– Как это?! – наконец озвучил общую мысль Антон. – Ты ничего не приготовила, что ли? – и он с легким сомнением уставился на грязные бокалы. Похоже, они его не то чтобы пугали... просто было очень непривычно. Раньше ведь красота наводилась «сама собой», и таким же макаром на тарелке появлялась еда – из воздуха.

– Сынок, это ведь я заболела, а не ты? У тебя-то с головой все в порядке должно быть, – довольно ехидно выдала я. – Сам подумай, если мы все трое дружно играли в Майнкрафт и чатились, то кто, по-твоему, должен был помыть за нами посуду и приготовить обед?

– Ты всегда готовила! – возмутился сын. – И убирала! И папа говорит... а бабушка...

– Тут нет ни папы, ни бабушки, – поправила я, усаживаясь на стул. – Есть только больная мама. Которая все никак не поймет: едим мы все трое, посуду пачкаем все трое, развлекаться, как выяснилось, можем одинаково. А готовить и убирать должна только я одна?

Глава 10

– Но ты же мама! Ты должна! – выдал сынуля, демонстративно сложив руки на груди.
– Кто сказал?! – поразилась я и склонила голову к плечу, с искренним интересом глядя на него.

– Но... папа всегда говорил! – нашелся Антон и победно засопел.

– Ну, собственно, к папе тогда и претензии, нет? – я склонила голову к другому плечу и улыбнулась. – Вот когда он придет, можете с ним порешать это дело. А пока насущный вопрос – что сейчас есть будем?

– Ты всегда раньше все делала и не выпен... не отказывалась, – непримиримо выпятил подбородок старший.

Младший пока помалкивал, переводя взгляд с меня на брата и хлопая глазами.

– Антоша, а помнишь, как ты раньше ходил на горшок, не выговаривал букву «р» и боялся монстра из-под кровати? – я, не сомневаясь, привела эти примеры, потому что если о мире Шурочка мне не слишком много рассказывала, то о детях она поведала достаточно.

– При чем тут это?! – тут же вспыхнул подросток.

– Ну как при чем... ты вырос и изменился. Перестал делать какие-то вещи, которые раньше казались естественными, вот и я тоже.

– Выросла? – дите попыталось изобразить скепсис.

– Ну почти. Будем считать, что постарела. Ваш папа так и сказал – стала старая, поэтому он завел новую жену.

Антон приоткрыл рот и «завис», точно как этот здешний компьютер. И кажется, впервые в его голове что-то там провернулось по поводу папы-мамы и самой идеи бросить семью ради чужой тетеньки.

– Но ведь новых мам не бывает? – робко подал голос младший, и у него вдруг обнаружились глаза на мокром месте. – Я не хочу другую маму!

– Я как-то тоже не хочу в утиль, – мелкого пришлось поймать, притянуть к себе и потискать, поцеловать в макушку. Старший смотрел на это дело, задрал нос, но в глазах все же что-то такое мелькнуло... – Но если продолжать на мне ездить, я все же развалюсь на части и выбора у вас не будет.

– Пф-ф-ф!

– Вот тебе и «пф-ф-ф». Ин-тер-нет у тебя под рукой, прочитай про гипертонический криз и инсульт, – уже серьезно сказала я Антону. – Но это потом. А пока пошли все вместе смотреть, что у нас есть из провианта. Открывай холодильник.

Ну что, пообедали мы снова бутербродами, правда на этот раз горячими: уж настолько моего кулинарного умения хватило даже в этом странном месте. Я, рисуясь перед мальчишками (поскольку они этого явно ждали), залихватски резала хлеб, остатки колбасы, помидоры-огурцы и сыр, Паша, старательно сопя, мазал ломти сливочным маслом, а Антон включил плиту (тварья дупа, я, наконец, подсмотрела, что вот эта стеклянная поверхность здесь нагревается, и поняла, как ее включить!), после некоторого раздумья таки нашел сковородку и помог раскладывать на ней бутерброды.

Нормально поели... только вот посуды грязной образовалось сразу много, а еще кончились сыр и колбаса.

Делать нечего, пора выбираться во внешний мир. Страшно... но мне ли бояться?! Я на монстров в Залесье ходила с одним полуразряженным амулетом и раненой ногой, а тут не сумею в городе до продуктовой лавки смотаться? Еще как сумею!

Но одна не пойду. В рамках приучения детей к совместной деятельности. Так что я озвучила свое решение сыновьям, выслушала бухтение Антона, радостно объявила ему, что кто

чего принесет, тот то и будет лопать, а кто ничего не добудет в битве за провиант, тот ляжет спать без ужина. И пошла переодеваться.

В комнате я опять полезла в шкаф, косясь на как-то совсем притихшую Лампу. Чего-то она... ой, а вдруг ушла?! Совсем исчезла, и я теперь осталась разгребать чужие проблемы одна?!

«Шура! Шур, ты тут?»

«Второй раз за день бутерброды – это вредно для желудка, – пробухтела Лампа. – И вообще...»

«Уф-ф-ф, – я так обрадовалась, что даже не обратила внимания на ворчливый тон. – И вообще, Шур, что сами приготовили, то и полезно есть, не выдумывай. Это во-первых. А во-вторых...»

«Вы так весело там разговаривали... – перебила меня Лампа. – Тебе правда понравилась эта дурацкая игрушка? И английский. Паша терпеть не может английский, а тут кричал сам, что выучит. И Антон с тобой разговаривал, не просто фыркал, как в последнее время. И... ты же ничего особенного или магического не делала! Знаешь, так странно. Я все время беспокоилась, чтобы дети были сыты, здоровы, чтоб учились, чтобы правильный психологический климат... и совсем забыла, что можно просто... как-то... и Тоша знает, оказывается, где у меня сковородки... а мне казалось...»

«У тебя на это не было сил, – я достала чистые джинсы из шкафа и села на кушетку рядом со столом, на котором стояла Лампа. – На то, чтобы задуматься. Ты настолько была раздавлена предательством мужа, а потом забегалась и погрузилась вот в это все, что забыла даже, как дышать. Забыла, что ты человек, а не прислуга и не бытовой магический артефакт. А дела и усталость не давали тебе опомниться. Сейчас ты просто получила время на то, чтобы посмотреть на ситуацию со стороны».

«Только поздно...»

«Не дрейфь, прорвемся, – повторила я фразу, подслушанную у сына. – Хочешь, пошли с нами в магазин?»

Мне вдруг стало так жалко ее! Это ведь Шурина семья, Шурины сыновья, а я явилась и развлекаюсь тут у компьютера, шучу и дразню мальчишек, а она сидит в комнате и может только слушать через дверь. Ну и что, что во многом она сама так все устроила в своей жизни? Ну и что?! Идеальных людей не бывает, и все мы ошибаемся. Особенно если рядом те, кто горазд в спину подтолкнуть и сверху наступить.

«Не потащишь же ты с собой торшер», – грустно усмехнулась Александра.

«Надо будет – потащу, – я решительно встала и взяла Лампу за подставку. – Но сначала давай посмотрим, может, тебя можно разобрать на части и взять что-то одно, маленькое и незаметное?»

«Погоди!» – испуганно пискнула Шура, но я уже решительно сняла ножки абажур. Повертела его в руках, отложила в сторонку и спросила:

«Ну как? Чувствуешь что-нибудь?»

«Ничего, – после некоторого размышления поведала моя собеседница. – Только видно стало лучше, и обзор круговой. Ух ты...»

«Значит, можно осторожно разбирать дальше, – сделала я вывод. – Слушай... а как ты вообще оказалась в этой штуке? Я вот знаю, что моя магическая сущность попала в твое тело через зеркало. А ты как умудрилась? Почему не заняла мое тело там – понятно, занимать было нечего».

«Я испугалась вдруг в последний момент, – призналась Шура. – Так плохо было, что хотелось не быть. Понимаешь, не умереть, а просто не быть. Я так устала... а потом вдруг я поняла, что... ну... и испугалась за детей. Как бы там ни было, а им плохо без матери. На Витю надежды нет... не бросит, но и внимания столько же не даст, не уследит, не позаботится как

следует! И сама не знаю как, вцепилась в первое попавшееся на глаза. Вот, в лампу. Помню, она включена была и светила... как маяк в темноте».

«Странная история. О, эта стеклянная штучка тоже выкручивается? Сейчас... если вдруг почувствуешь себя хуже – сразу ори, поняла? Я не думаю, что тебе в таком положении по-настоящему можно навредить, но лучше будем осторожными. Давай, тихонечно... оппа! Ну как?»

«Не знаю... странно. Я твои руки чувствую, теплые... и от них словно энергия идет. Это, получается, я не сама лампа, а именно лампочка? Ты меня выкрутила?»

Глава 11

Пришлось придумывать, куда упаковать маленькую и хрупкую на вид штучку, в которой поселилась Шура, так, чтобы, с одной стороны, ей все было видно, а с другой – чтобы не разбить. Кто его знает, возможно, это ни на что не повлияет. А если нет? Если, разбив хрупкий матовый стеклянный шарик, мы навсегда потеряем Шуру? Нет, что-то не хочется.

Поэтому пришлось экспериментировать. Надо ведь, чтобы ей было все видно и слышно... Опытным путем было установлено, что корпус лампочки не стеклянный, а из какого-то довольно прочного матового пластика. Сначала мы хотели сунуть лампочку в прозрачную пластиковую же баночку с ватой на дне, а потом все это запихнуть в карман джинсовой рубашки так, чтобы край доньшка торчал наружу и Шуре все было видно. Но выяснилось, что банка в карман никак не лезет, а из сумки никакого обзора.

Так и эдак вертели, а потом я завернула основание штучки в носовой платок и просто пихнула в кармашек. Тут нам повезло, она оказалась «энергосберегающая и диодная». Я не особо поняла значение терминов, но усвоила, что светит такая ярко, ест мало и может быть маленького размера. Вот как Шура.

Ну и двинулись. Правда, кое-кто бухтел, что надо проследить, как оделся младший, восьмилетний Пашка, но я цыкнула: нечего делать из здорового парня младенца! Трусы на голову не надел? Шнурки на «кроссовках» завязал? Вот и молодец. А все эти «пусть возьмет флиску, вдруг замерзнет» – излишество и баловство. Один раз замерзнет – научится одеваться по погоде или запасаться теплой одеждой сам.

Антон нарядился в смешной наряд, изукрашенный во всех местах эмблемами прикладной некромантии, и смотрел на меня с вызовом. Я поняла почему, когда Лампа в кармане развдыхалась, и опять на нее шикнула. Правда, сначала выяснила, что некромантская символика не запрещена и по морде за нее на улице не бьют. Стражникам не жалуются, проклятиями не швыряют вслед. Ну и в чем проблема?

Ах, не нравится? Ну, дорогая, он же не на тебе череп с языками пламени нарисовал, а на своей футболке. Чем бы дитя ни тешилось, хоть пусть на пузе себе скелет красками изобразит, вреда от него никакого. Зато ребенок доволен и менее конфликтен.

Страшновато было переступать порог незнакомого, но уже немного освоенного жилища, а куда деваться? Выпихнув за порог обоих сыновей, я под чутким руководством Шуры закрыла дверь на ключ и огляделась.

Так. Это называется «подъезд», а вот там какая-то реально жуткая штукенция под названием «лифт». Ну не-ет! В эту лязгающую ловушку я точно не полезу, даже ради поднятия авторитета в глазах детей!

«Тошка тоже боится лифта, – хмуро вздохнула Александра. – Мы один раз здесь на три часа застряли. Так что...»

- Пешком вниз пойдем, – решила я.
- У-у-у-у-у! – взвыл младший, который лифта не боялся.
- А ты, если хочешь, на лифте езжай, – разрешила я.
- Один?! – поразился Паша.
- Ну да, если тебе так нравится эта душегубка.
- Нет, – сумрачно засопел мелкий. – Один не хочу.

Вот так мы и пошли по лестнице вниз. Ужас! Я думала, что знаю, какие бывают высокие башни. Но здесь! Мы топали, и топали, и топали, а спуск все не кончался. Я насчитала семнадцать этажей, пока мы, наконец, добрались до выхода на улицу!

И тут, на первом этаже, нас поджидали первые приключения.

Когда мы подошли к двери и Антон нажал какую-то черную пупочку сбоку от нее, в приоткрывшуюся щель вдруг всунулась здоровенная черная морда с оскаленными зубами и оглушительно, на весь подъезд, рывкнула.

Собака! Здоровенная! И невоспитанная, судя по всему. Правильные собаки не лают без команды. Поэтому я, первым делом отшвырнув обоих сыновей куда-то себе за спину, резко хлопнула протискивающуюся в щель псину ладонью по морде и прикрикнула:

– Сидеть!

Пес от неожиданности, а главным образом оттого, что услышал команду, выданную уверенным голосом, перестал лезть из щели, как мохнатое черное тесто из квашни, и хлопнулся на задницу.

Тут только я сообразила, что у меня в ушах тихонько звенит. То есть не звенит, это Шура пищит на одной ноте. Ой, тварья дупа, она собак боится?

«Нет! Не боюсь! Но это не собака, это невоспитанный крокодил! А хозяин у него невоспитанная сволочь!»

И действительно, вслед за лохматой горой в подъезд втиснулся здоровенный детина в кожаной куртке, бритый налысо и с надбровными дугами натурального тролля. Увидев нашу компанию: меня в воинственной позе, мальчишек, испуганно выглядывающих из-за моей спины, и ошалело сидящего на заднице пса, детина шевельнул всем лбом и выдал:

– Своих оглоедов на поводке води, если собак боятся, а Порох не кусается!

Ух! Я даже не разозлилась, это какое-то другое чувство было. И все это время помнила же, что магией приложить нахала не получится. Зато! Зато я же сейчас в Шурином теле, а она потрясающе красивая женщина с фигурой! С грудью! Да такие амбалы должны к ее ногам штабелями складываться, вместе со своими собаками. А не бухтеть тут...

Поэтому я выпрямилась, приподняла подбородок и оглядела молодчика с ног до головы взглядом королевы, которой по пути к трону попался особо неучливый рыцарь в нечищенных доспехах.

– Молодой человек, – у Шуры был низковатый голос, грудной, да еще и резонировать имелось чем. – Будьте так любезны посторониться. И на будущее: такой сильный и представительный мужчина просто обязан проявлять больше учтивости. Иначе я могу подумать, что ваша собака и то лучше воспитана.

Мимоходом потрепав сидящего пса по лохматой макушке, я взглядом показала впавшему в прострацию амбалу на дверь, и тот – о чудо! – послушно ее придержал, давая мне выйти. Глаза у него были совершенно оловянные, а брови трогательно сложились домиком на низком лбу.

– Дети, вперед! – скомандовала я, на прощание сделав последний выстрел в сторону амбала:

– Спасибо, молодой человек. Вот теперь другое дело.

И улыбнулась, так, слегка, только краешками губ. Чтобы он, с одной стороны, не подумал, что я ему тут авансы раздаю, а с другой – чтоб добило!

Сыновья выпали из подъезда безропотно – уж не знаю, что их больше впечатлило: пришлепнутый ладонью пес или раздавленный Шуриной статью его хозяин. А вот Лампа из кармашка на груди голос подала:

«Как ты это сделала?! Нет, с собакой понятно... Я бы, наверное, так тоже смогла... если бы не растерялась. В теории я знаю, как правильно с ними обращаться и что главное – не бояться. Но с Прохором ты как?!»

«Прохор – это хозяин черной горы шерсти? – уточнила я. – Да с ним все точно так же. Главное – уверенность. А с твоими внешними данными – это легко. Ты такая красивая, что я даже не сомневалась, этот мужик упадет к нашим ботинкам, словно спелый плод с ветки».

Глава 12

«Я красивая?! – переспросила Лампа. – Да в каком месте? Ты что, думаешь, я себя в зеркале не видела?!»

«А глаза мужика этого ты сейчас видела? – ехидно уточнила я на ходу, вложив обе ладони в руки сыновей и попросив их отвести меня туда, где мы обычно берем продукты. Вот такая я стала забывчивая, да. – Я ведь никакой магии не применяла, заметь. У меня было только то, чем обладаешь ты. Просто я уверена в том, что это потрясающе красиво, понимаешь? Знаю я это, верю и потому даже не сомневаюсь, что вот такой Прохор остолбенеет лучше, чем от заклинания».

«Я так не смогла бы...» – попыталась уйти в грусть Шура.

Но я не позволила:

«Еще как смогла бы! Просто кое-кто нарочно внушил тебе, что ты уродина и, кроме него, никому не нужна, кто на тебя взглянет. Вот, убедилась? Еще как взглянет! Кого захочешь, тот на тебя и взглянет, потому что есть на что посмотреть!»

«Но я толстая...»

«Слушай, мы же вместе смотрели картинки. Я тебе сразу сказала – вас кто-то обманул с этими показами, журналами и прочим! Какой-то злобный некромант, наверняка! Из тех, кто любит с трупами... того. Такая худоба хороша у скелетов на кладбище, их больше в братскую могилу поместится. Живые люди так выглядеть не должны. Я бы еще поняла, если бы как у ваших мужчин на картинках – мышцы развитые, гармоничные... да и то, у вас же население не из боевых магичек состоит, а из обычных женщин, им бицепсы такие зачем? И точно к тварьей дупе не должно быть ручек-спичек, ввалившихся щек и губ, как у вампириши, которая присосалась к осиному гнезду».

– Ма-ам! – отвлек меня голос младшего сына. – А мы что, пешком пойдем по магазинам? А почему не на машине?

Тут я очнулась и обнаружила, что под управлением сыновей подошла к какой-то очень странной железной телеге с крышей. Я такие видела на движущихся картинках у Шуры в ноут-буке. И еще тогда решила, что никакие силы не заставят меня вот в такое сесть. Ну, если только совсем не припечет. И управлять я сей телегой не умею, тут советами Лампочки не обойтись...

– Нет, Паш, мы пойдем пешком, – я потянула сыновей подальше от машины.

– Как пешком?! – выступил уже старший. – А покупки как потом домой?!

– В руках, Тош, в руках. Как люди без машины их носят.

– Но они же тяжелые!

– И что? Нас трое, вместе унесем. Зачем еще все вместе за добычей ходят?

– Да почему?! На машине проще! – не унимался сын, отказываясь отходить от жутковатой телеги.

– Антон, я вчера сначала чуть не получила кровоизлияние в мозг, а потом крепко стукнулась головой, – терпеливо пояснила я. – Во-первых, я забыла, как эта штука водится, а во-вторых, просто боюсь не справиться с управлением. Вдруг мне станет плохо прямо за рулем?

Это я получила мысленный пинок от Шуры и дальше уже повторяла ее слова, чтобы правдоподобно звучало.

Антон какое-то время шел рядом со мной молча, потом спросил:

– Значит, тебе правда вчера было плохо? Ты же терпеть не можешь ходить пешком в магазин, сама говорила... и что спина потом болит, и вообще...

– Правда, – я не видела смысла врать, хотя и не стала, конечно, рассказывать подростку о том, что его мама вообще-то не просто заболела, а умерла.

«Может, не надо было так... – робко напомнила о себе Шура. – Зачем ему знать? Он маленький еще...»

«Он здоровый парень, который уже должен заботиться о тебе, – возразила я. – В меру своих сил. Никто не требует от подростка с мечом в руках лезть на крепостную стену, чтобы отбить нападение врага. Хотя и такое бывало. А Антон пусть привыкает, что это не женщина должна вокруг него танцевать, а он должен защитить и позаботиться!»

«Что же, о нем самом заботиться не надо, что ли?!»

«Надо. Мы это и делаем. Но его приучить к ответным действиям и умению не только вкусно кушать маму, но и следить, чтобы мама не кончилась, тоже необходимо. Шура, ты сама говорила: если с тобой что случится – твои дети никому особо нужны не будут. Поэтому ты просто обязана позаботиться о себе и научить этому детей!»

На этом наш глубоко философский диспут сам собой увял. Поскольку мы отошли от страшной колымаги и я более-менее успокоилась, настало время оглядеться по сторонам. Нет, конечно, я и раньше осматривалась, по вбитой в кровь привычке отслеживать ситуацию, чтобы успеть отреагировать на опасность. Но обычно в городе эта «чуйка» слегка ослабевает – много людей, зданий, нет опасности дикого зверья. Хотя... я вон в городе попалась.

А тут был не просто город – какой-то огромный городище! Дома высоченные, окон – тварья прорва. Людей за ними должно жить... представить страшно.

Но все равно, место это мне нравилось – улицы широкие, много деревьев. Приятная погода, тепло. Судя по молодой листве – сейчас весна. Обидно умирать весной... так что мы и не будем! Особенно если не соваться на «проезжую часть», по которой туда-сюда с ревом снуют железные телеги. Кстати, смердят они преотвратно. Хорошо, что легкий ветерок довольно бодро уносит этот запах в даль.

«В ближайший магазин не идите, там дальше за углом “Пятерочка”, – деловито поучала меня Лампа на ходу. – Там все дешевле. Качество не ахти, но можно выбрать. Витя вчера расщедрился, надо же, – впервые в голосе Шуры по отношению к мужу прозвучал сарказм вместо затаенной тоски. – Оставил целых пятнадцать тысяч! Испугался, видать, что нянька сляжет и уже не получится делать хорошую мину при плохой игре. А так-то он нас деньгами не балует. Кружки детям оплачивает, если в школе что-то надо, оплачивает, а вот все остальные траты еще обосновать надо и убедить, что детям нужна новая одежда и нормальная еда, а не “капусточка с сосисочкой”, сто рублей на ребенка в день».

«Сто рублей – это мало?»

«Сейчас в магазине и увидишь».

М-да, увидела. И перестала удивляться, зачем Шуре надо было так уродоваться на работе, чтобы кормить детей больше чем на ту сумму в день. Нет, я против баловства, разносолы с дорогими колбасами придется пока отложить, но нормальное мясо, овощи и сезонные фрукты – на этом жмотиться для детей последнее дело. И побаловать ведь хочется... Шуре. И что интересно, по некоторым косвенным признакам я поняла, что это баловство сыновья почему-то относили на отцовский счет. Ну нет уж!

Я как-нибудь пока воздержусь, учитывая, что работу придется менять. Не сумею я так быстро научиться водить колымагу. Значит, те бумажки, что оставил Виктор, надо растянуть как можно дольше. И в смешную проволочную тележку мы грузили не то, к чему тянулись лапки мальчишек, а что я сама, как много повидавший и бывавший в походах маг, сочла нужным для выживания длительное время. Тем более что продуктовая лавка здесь была – как целый базар в одном небольшом помещении! Удобно.

Крупы, мясо, которое можно хранить в холоде, корнеплоды всякие, со шкуркой и даже немножко с землей – сами помоем и почистим. Муку, чудной и очень сладкий песок – сахар. Пироги научу печь, парням в жизни пригодится. Яйца, молоко. Специи – вот тут у меня глаза разбежались! Да это же сокровище, да за такие деньги! Шура у меня в голове орала в голос,

что нам не надо столько черного перца горошком, и коричные палочки в таких количествах не нужны. Пришлось скрепя сердце брать по одному пакетику.

Ну ничего-о-о! Зато основные запасы сделаны, несмотря на кислые рожицы пацанов – «чипсов», булочек и «бакуганов» я не купила. Теперь задача стояла посложнее: как донести добычу до дома.

Глава 13

– А папа всегда покупает нам чипсы и вообще все, что захотим, – ныл Пашка, когда мы выгружали мешки с едой из проволочной тележки на колесиках. – И на машине возит...

«Угу, раз в неделю можно тысячу рублей спустить на чепуху и вредную еду, не ему ведь потом ночь не спать, если младшего стошнит, а у старшего от колы этой несчастной газы и бессонница на фоне перевозбуждения, – вздохнула Лампа. – Зато папа щедрый, добрый и веселый, а мама скучная и злая, заставляет есть овощи и делать уроки...»

– Домой придем, и я объясню, почему не купила это баловство, договорились? – предложила я капризуле. – Прямо сядем все троим, и я вам кое-что интересное покажу и расскажу.

– Про вредную еду небось, – хмыкнул Антон.

– Нет, интереснее. Поворачивайся, загружу тебе курицу в рюкзак. Ты ж у меня парень сильный, думаю, такого груза даже не заметишь, а мне, как женщине, прямо приятно будет, какой у меня сын заботливый и развитый не по годам. Да вообще любой девчонке такой парень первым понравится.

– Пф-ф-ф, нужны мне какие-то девчонки!

– Сейчас не нужны, потом понадобятся. Отбою не будешь знать.

«Чем грубее лезть, тем она действеннее?» – ехидно прокомментировала Лампочка, глядя, как слегка опешивший Антон безропотно грузит в рюкзак не только битую птицу, но и сетку с корнеплодами – кар-тош-кой. Мне кажется, она слегка ревновала своих мальчишек ко мне. Ну... я ее понимала. Легко мне, имея взгляд со стороны и паря над ситуацией. А с другой стороны – чего ж теперь-то? Не пускать же все на самотек.

«Именно, – невозмутимо согласилась я, под тем же соусом нагружая еще и младшего, но строго следя, чтобы тот от усердия не перестарался. – Доброе слово и троллю приятно, знаешь ли».

Оба пацана сосредоточенно сопели – кажется, им непривычно было топать домой такими нагруженными. Ничего, зато мышцы нарастут. Кстати, надо не забыть им самим об этом напомнить.

Когда мы подошли к подъезду, сыновья довольно заметно запыхались и, кажется, одновременно вспомнили о том, что мама внезапно стала бояться лифтов. Представили себе путь вверх по лестнице на семнадцатый этаж и впечатлились по самое немогу.

– Пошли, мам, ты же храбрая, – выдал мне младший, беря за руку. – Не бойся, я с тобой!

Старший в это время молча кусал губу и странно на меня косился. Интересно, а раньше он лифтом пользовался или без дополнительного груза в рюкзаке пешком бегал?

«Ездил, но с уговорами и за взятку, – вздохнула из кармана Шура. – Я ему что-нибудь покупала всегда...»

«Ну нет. Тут теперь я самая маленькая и слабая, всего боюсь, особенно лифта, ибо женщина. Это он пусть мне взятку дает, если не хочет пешком на семнадцатый этаж идти!»

Видимо, мысль о взятке была написана у меня на лице, потому что Антон даже не попытался провернуть фокус с вымогательством, наоборот, поправил рюкзачок за спиной и целеустремленно потопал к лифту со словами:

– Да ладно, мам, чего там бояться-то, и правда. А пешком на семнадцатый этаж тебе после вчерашнего точно нельзя, да еще с сумками!

Ах ты, маленький хитрец! Вывернулся, смотри! Шура у меня в кармане весело хихикала, я с трудом сдерживала улыбку, дети тоже как-то приободрились, вот такие веселые мы и приехали к своей двери.

И обнаружили на лестничной площадке раздраженного и надутого бывшего отца семейства. Он, видимо, довольно давно топтался под дверью и жал пупочку «звонка», поэтому с ходу напустился на меня с претензиями:

– Где тебя носит?! Ты знаешь, сколько времени вообще?!

– Сколько? – довольно безразлично удивилась я, глянув в сторону небольшого окна на площадке. Белый день за ним, какого лысого гремлину ему надо? О, а Шура в кармане притихла, и у меня почему-то такое впечатление, что она даже втянула несуществующую голову в плечи. Ну не-ет!

– У меня обед не резиновый! Я все бросил, не поел, приехал проверить, все ли в порядке с детьми, и что?

– И что? – все так же безразлично поинтересовалась я, легким движением руки отодвигая мужчину с дороги. Ну да, легким, он же не сопротивлялся. Не ожидал? Не ожидал. Так что я спокойно открыла дверь ключом и запустила притихших мальчишек в прихожую. Они как-то споро побросали рюкзачки с покупками у порога кухни и смылись по своим комнатам. Хм? Пугаются разговоров родителей?

Бывший муж вошел сам, без приглашения. Ну, я пока не стала ему мешать, просто не обращала на него внимания и, спокойно разувшись, отправилась выкладывать покупки на стол, чтобы рассортировать по местам хранения.

– Я, кажется, с тобой разговариваю, – Виктор ввалился в кухню следом за мной, и лицо у него было... вот что Шура в нем нашла? Шур? А?

«Не знаю, – как-то удивленно и подавленно отозвалась Лампочка. – Сейчас смотрю и сама не пойму. А еще я его боюсь... в последнее время, оказывается, всегда боялась. Но уже не так сильно, потому что с тобой и... и самое страшное уже случилось, в конце концов. Чего мне теперь трястись?»

– Я в целом неплохо слышу, – ответила я наконец начавшему раздуваться от возмущения жабу. Вот хоть тресни, не могла я его иначе воспринимать, еще и потому, что он краснел, как его мамуля – пятнами. – Но так и не поняла: что именно ты приехал проверять? Что такого могло с детьми со вчерашнего вечера случиться?

– Антон звонил с утра и сказал, что ты проспала в школу, не приготовила детям завтрак и вообще ведешь себя странно, – чуть выдохнув, сквозь зубы поведал этот «проверяльщик».

– И? – я слегка насмешливо приподняла бровь, под тихое суфлирование Шурочки раскладывая принесенные крупы по банкам и убирая в шкаф. – Ты приехал, чтобы что? Сделать им запоздалый завтрак?

– Что за чушь ты несешь? – бывшенький поджал губы, принимая вид хозяина, недовольного тупостью прислуги. – Я хочу знать, где ты шлялась и почему вдруг начала пренебрегать своими обязанностями, и вообще...

– А, ты хочешь меня от этих обязанностей избавить? – «обрадовалась» я. – Сам будешь возить детей в школу по утрам или поручишь нашей любимой бабушке? Нет?

– Что?! – растерялся Виктор.

– Мы с тобой вроде бы разошлись, верно? – я выпрямилась, уложив в нижний шкаф сетку с картошкой, и улыбнулась ему в лицо, легко тряхнув волосами и расправив плечи так, что выдающаяся Шурина грудь мягко колыхнулась под плотной тканью джинсовой рубашки. – С чего вдруг после этого тебя интересует, где я «шлялась»?

«И всегда так, – почти всхлипнула Шура из кармана. – Ну почему я шлялась?! Я ни разу, ни разу не дала повода во мне сомневаться! Это он завел любовницу, на которой потом женился, а я...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.